

Бернар

Вербер

Пророчество о пчелах

Новинка от автора
«Танатонавтов»

Бернар Вербер
Пророчество о пчелах
Серия «Бесконечная
Вселенная Бернара Вербера»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68677390
Пророчество о пчелах: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-178688-5

Аннотация

Новая книга от автора культовых романов «Танатонавты» и «Империя ангелов».

Рене Толедано – профессор истории в Сорбонне. А еще он практикует регрессивный гипноз, который позволяет возвращаться в прошлые жизни. Но однажды Рене решает совершить путешествие не в прошлое, а в будущее, и с ужасом обнаруживает, что это будущее ужасно: в 2047-м на земле окончательно исчезли пчелы, и вымирание одного биологического вида повлекло за собой голод, хаос, и в конце концов разразилась третья мировая война. К счастью, Рене узнает, что существует «Пророчество о пчелах», написанное в Иерусалиме в 1099 году тамплиером Сальвеном де Бьенном. В этом тексте рассказано, как спасти будущее. Однако, чтобы найти этот бесценный манускрипт, Рене придется вернуться в прошлое,

пересечь эпохи и континенты, преодолеть на пути множество испытаний.

Он готов на это опасное приключение, ведь на кону – судьба человечества.

«Великолепный приключенческий роман, где пересматривается история тамплиеров». – Bibliotheca

«Чрезвычайно амбициозная история, в которой раскрывается воображение Бернара Вербера». – Union Press

Содержание

Акт I. Будущее уже не то, что было прежде	7
1	7
2. Мнемы[1]. Три цели существования	13
3	14
4	34
5. Мнемы. Теория реинкарнации	40
6	41
7	44
8	59
9	70
10. Мнемы. Путешествия души в Древнем Египте	75
11	77
12	80
13	86
14. Мнемы. Фараон Эхнатон	95
15	98
16	106
17	113
18. Мнемы. Яхвисты	127
19	129
20	136
21. Мнемы. Иосиф и фараон	151

22	153
23	164
24	168
25. Мнемы. Падение Эхнатона	173
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Бернар Вербер

Пророчество о пчелах

*Если бы с лица Земли исчезли пчелы,
человечество просуществовало бы
всего четыре года.*

Альберт Эйнштейн

Bernard Werber

La prophétie des abeilles

© Editions Albin Michel et Bernard Werber – Paris 2021

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency

& Associates

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Акт I. Будущее уже не то, что было прежде

1

Что сейчас произойдет?

15 июля 1099 года.

– Приготовиться! Через несколько мгновений брызнет пламя, кровь – и вы обретете славу! – громыкает могучий голос.

Мне страшно.

Над равниной встает лиловое солнце, его лучи пронзают серебристо-серый туман.

Тысяча четыреста сорок всадников, скованные толстыми стальными доспехами, обильно смазанными маслом, словно приросли к седлам взмыленных скакунов. Они воодушевлены и при этом слегка взволнованы тем, что произойдет мгновение спустя.

Перед ними высятся неприступные крепостные стены.

Они ждут повеления своего полководца.

Поднимается ветер, трепещут стяги и штандарты. В небе с карканьем выются стаи нетерпеливых ворон.

Один всадник особенно заждался.

Скорее бы рукопашная! Сил нет! – изнывает он.

Всадник с трудом удерживает на месте коня, тот шумно выдыхает пар, перебирает копытами – уж очень ему не терпится галопом ринуться вперед.

Рыцарь на коне сжимает рукоять меча.

Я сражаюсь за тебя, матушка.

Ему вспоминается сон, в котором ангел говорил: «Завтра приготовься к великому свершению. Твоим поводырем буду я».

Нет сомнения, что он силен благодаря материнской поддержке. А вот в поддержке ангела он не так уверен.

Что бы ни случилось, я обязан победить.

Но тут выясняется, что к нему пожаловала гостья: пчела, описывавшая зигзаги перед его забралом, наконец уселась на единственную горизонталь шлема – прямо перед глазной прорезью.

Всадника, готового смахнуть насекомое, посещает внезапная мысль:

Не хватало ее взбесить! Как залетит внутрь шлема да как укусит...

Поэтому он замирает, отчаянно косясь на неожиданную гостью. Пчела топорщит усики, трепещет крылышками.

От ее жужжания гудит весь железный шлем.

До всадника доходит, что ее влечет: *матушкины духи!*

Много лет тому назад мать подарила ему флакон духов с запахом роз. С тех пор всякий раз, когда ему хочется ощу-

тить близость матери, он наносит каплю этих духов на свой шейный платок.

Ясное дело, пчела принимает меня за медоточивый цветок.

Он дует на пчелу, кривя губы, чтобы потоком воздуха выгнать ее из шлема.

Прочь, негодница, лети дальше! Нашла время!

Он непроизвольно делает жест, чтобы прогнать незваную гостью, но добивается именно того, чего опасался: пчела летит – но не наружу, а внутрь шлема, в пространство между носом воина и забралом шлема. Теперь ее уже не выгнать.

О, нет, только не это!

Непохоже, чтобы у окружающих его рыцарей были те же трудности. Солнце тем временем из лилового становится оранжевым.

Всадник тянется к гостье, ползущей изнутри по забралу, кончиком языка. Та жужжит все пронзительнее.

Не хватало, чтобы она цапнула меня за язык!

Тут за его спиной раздается голос офицера:

– ПЛИ!

Скрип рычагов, шелканье веревок. Десятки катапульта со свистом мечут в небо круглые камни. Тяжелые снаряды описывают дугу и врезаются в крепостную стену. Как ни тяжелы удары, стена их выдерживает, значительных проломов нет. Противник, маячащий наверху, среди зубцов, встречает жалкий результат обстрела радостными криками и оскорб-

лениями на своем тарабарском языке.

– Двигаться вперед, обстреливать башню! – отдает приказ офицер.

Трубит труба.

Это еще не сигнал к наступлению кавалерии, пока что работает только артиллерия. Катапульты подползают ближе к стенам.

В шлеме рыцаря ни на мгновение не стихает пчелиное жужжание. Он застыл, не может ни поднести руку к шлему, ни высунуть язык.

Пила вон!

Он подумывает, не попробовать ли снять шлем, пока солдаты перезаряжают катапульты. Подбородник шлема держится на кожаном шнурке с тугим узлом. Пока он будет развязывать этот узел, а потом снова завязывать, стену, чего доброго, проломают, и за этим успехом без промедления последует приказ «в атаку»...

Пчела спокойно ползает внутри шлема. Вот она приближается к его левому уху, принимая ушную раковину с серой за венчик цветка, полный пыльцы. Жужжание насекомого становится все назойливее, рыцарь ежится.

Пчела узнает аромат, но никак не поймет, что за странная роза ей попалась. Возвращаться в улей ни с чем ей совсем не хочется, поэтому она выбирается из уха и продолжает обследование небывалого цветка.

Всадник чувствует, как насекомое ползет вверх по его за-

тылку, как застревает между его волосами и верхушкой шлема и там принимается жужжать с утроенной силой.

Все-таки придется сдернуть шлем.

Он снимает перчатки и начинает возиться с узлом, но подо, развяжи его! У рыцаря дурная привычка обгрызать ногти, а это как раз та ситуация, когда ногти пришлись бы кстати. Тем временем у него за спиной звучит приказ:

– ЗАРЯЖАЙ! – И почти сразу же: – ПЛИ!

Высоко в небо взмывают круглые камни. Рассеивается пыль, взорам предстает аккуратный пролом в стене. Тысяча четыреста сорок глоток издают ликующий вопль, двенадцать тысяч пехотинцев за спинами конных рыцарей тоже не молчат. Пожелтевшее солнце палит что есть мочи.

– НА ПРИСТУП! ГОСПОДИ, СПАСИ! – вопит офицер.

Поет труба, ей вторят рожки. Рокочут барабаны, задавая ритм, пехота наступает, выставив вперед копья и пики, тащит длинные лестницы и тараны.

Ну, теперь держись, пчела, я пускаюсь вскачь!

Всадник снова натягивает перчатки, пришпоривает коня, берет поводья левой рукой, той же, в которой держит щит, а правой вытаскивает из ножен меч и подхватывает вместе со всеми клич:

– ГОСПОДИ, СПАСИ!

Он уже несется к стене, усеянной врагами, но при этом его не покидает мысль:

Куда делась пчела?

А та тем временем ползет по его веку. Напуганная суматохой и нарастающим гвалтом, она отчаянно паникует и, подчиняясь рефлексу, всаживает в веко свое жало.

Всадник истошно кричит от боли, но боевой конь уже перешел в галоп, ничто не может прервать его бег в направлении высоких белых стен, даже отравленная игла, глубоко воткнувшаяся в глаз наездника, как колючка в спелую виноградину.

Что до самой пчелки, лишившейся единственного оружия – жала, то и она в смятении:

Со мной-то что теперь будет?

2. Мнемы¹. Три цели существования

Мы рождаемся для трех целей:

1. Познание.
2. Эксперимент.
3. Исправление.

---

¹ *Мнема* – богиня памяти, а также одна из основ «мнемизма», учения физиолога Рихарда Земона: способность живой клетки впитывать, сохранять и передавать впечатления. *Здесь и далее прим. переводчика.*

3

– А вы, что будет в будущем с вами?

Рене Толедано вглядывается в сидящую напротив него публику. Из полутьмы ему внимают четыреста пятьдесят зрителей.

– Если у вас есть желание узнать о наилучшем пути вашей собственной эволюции, то я могу предложить вам новый эксперимент. При первой медитации с сопровождением я дал вам пережить во сне вашу молодость, при второй – открыть одну из ваших прежних жизней, а теперь предлагаю третью, еще более оригинальную медитацию. Кто хочет повстречать того или ту, кем он или она станет, к примеру, через тридцать лет?

По залу пробегает одобрителный шепоток.

– Тогда закройте глаза... Дышите... Расслабьтесь... Напоминаю: если вы употребляли спиртное, принимали медикаменты, воздействующие на мозг, или наркотики, если у вас депрессия или вы в гневе, то лучше воздержаться от участия в этом сеансе медитации.

Никто не реагирует на это предостережение.

– Хорошо. Представьте, что вместо спуска по лестнице, ведущей в коридор ваших прошлых жизней, вы поднимаетесь по лестнице, приводящей в коридор будущих лет... Перед вами двери, на них цифры... Каждая цифра обозна-

чает количество лет в будущем. Десять – десять лет, двадцать – двадцать, тридцать – тридцать... Откройте именно эту дверь. За ней вы попадаете в тот же самый мир гармонии: в залитый солнцем весенний сад с большим деревом посередине. У подножия дерева вы видите человека в белой тунике. Все вы видите разных людей, потому что этот человек – вы сами, прибавившие тридцать лет.

Рене Толедано запускает пятерню в свою каштановую шелвелюру, поправляет на носу очки в тонкой позолоченной оправе. В свои тридцать три года он, бывший учитель истории, освоился наконец в новой для себя роли – гипнотизера, выступающего на публике. На нем джинсы, черная футболка, черный пиджак и мягкие черные туфли без шнурков. Он неторопливо продолжает:

– ... Вы чувствуете, что этот человек, то есть вы сами в будущем, наделен мудростью, которой вам самому пока еще недостает...

Рене Толедано делает глубокий вдох.

У него за спиной на черном бархатном занавесе висит огромный, больше метра в диаметре, зеленый глаз.

Рене проникновенно вещает в микрофон, его голос эхом разносится по всему залу:

– Вот вы приближаетесь к себе будущему... Приветствуете этого человека... Говорите с ним... Спрашиваете, что бы он вам посоветовал сделать для достижения его уровня личного расцвета... Он – или она – искренне хочет вам по-

мочь... Он – или она – дает вам совет. Это простая короткая фраза, новая мысль, никогда еще не приходившая вам в голову: она позволит вам легче достичь этого счастливого состояния... Впустите ее в себя!

Рядом с Рене Толедано играет на арфе Опал Этчегоен, молодая женщина с длинными рыжими волосами и с большими зелеными глазами, подведенными, как у Клеопатры. Касаясь кончиками пальцев струн, она извлекает из них неспешную нежную мелодию. На ней платье цвета морской волны, обсыпанное блестками, что мерцают, как звездочки в ночи. Высокий разрез платья демонстрирует длинные стройные ноги в красных лаковых «лодочках».

– ... Вы ловите эту невероятную фразу на лету... Вы понимаете ее, вы ее запоминаете...

Рене и Опал выступают со сцены «Ящика Пандоры».

Эта баржа-театр, заодно служащая им жилищем, полностью сделана из дерева. Она крупнее и просторнее одноименной баржи, которую раньше использовала Опал для своего собственного гипнотического представления. С затянутых черным бархатом стен на зрителей смотрят сотни глаз.

Рене и Опал пустили все свои деньги на приобретение, обустройство и оформление этого зрительного зала, степенно плывущего по Сене.

На беду, молодую женщину с самого утра мучает фарингит. За час до начала представления она не могла отчетливо выговорить даже коротенькую фразу. При этом билеты на

все 450 мест в зрительном зале были уже распроданы. Снаружи выстроилась очередь из надеющихся попасть на действо вместо тех, у кого в последнюю минуту возникли другие планы.

Не желая отменять представление, пара решила, что Рене выступит вместо Опал. Он возьмет на себя функцию проводящего, а его партнерша ограничится игрой на арфе.

Рене нащупал правильный тон, позволяющий удерживать зрителей в напряжении. Он решил попробовать кое-что новенькое – эксперимент с посещением будущего, а не прошлого.

Зал не издает ни звука. Зрители сидят с закрытыми глазами и, блаженно улыбаясь, представляют себя в будущем.

Самое трудное позади, говорит себе Рене.

Опал Этчегоен, не прерывая игру, бросает на него заговорщический взгляд, поощряя следовать дальше по новому пути. Она делает незаметный жест – подсказывает оставить испытуемых в состоянии гипноза для разговора с тем, кого они найдут под деревом.

Ее всегда посещают хорошие мысли.

– Даю вам десять минут на разговор с тем, кем вам предстоит стать... Попросите у него советов для успеха на предстоящем жизненном пути... Ведь этот человек, без сомнения, опытнее вас...

Увлеченный собственной придумкой, баюкаемый сладкозвучной арфой, Рене решается примкнуть к эксперименту,

тоже встретиться с собой через тридцать лет.

Он видит себя взбирающимся по лестнице, ведущей в коридор будущего. Там пронумерованные двери. Рене открывает дверь с цифрой «30». За этой дверью, как он и говорил, раскинулся залитый солнцем сад. Посреди сада растет дерево. К Рене приближается мужчина в тунике.

– Здравствуй, Рене.

Это я в будущем, что ли?

– Эээ...

– Здравствуйте, мсье.

– Для различения предлагаю тебе называться «Рене 33», потому что тебе тридцать три года. Меня будешь называть «Рене 63», это мой возраст.

Рене вглядывается в этого человека, так волнующе похожего на него.

Потом он начинает подмечать детали. Нос у того подлиннее, уши побольше, вокруг глаз морщины, волосы седые, заметный животик, небольшая горбатость, на руках синеют вены, кожа тоньше и светлее.

– Хватит так на меня таращиться, Рене 33, ты меня смущаешь.

– Простите. Как поживаете?

Собеседник старше, поэтому Рене 33 инстинктивно обращается к нему на «вы».

– Неплохо, благодарю. Разве что поседел, раздался вширь, обзавелся животом.

– Какую мудрую фразу вы можете мне шепнуть, чтобы направить на жизненном пути?

– Занимайся физкультурой, развивай мышцы брюшного пояса.

И все?

– Сам видишь, к шестидесяти трем годам у тебя появятся брюшко и жирок на талии – что, между нами говоря, не слишком эстетично. Я отяжелел, начинаю быстро задыхаться, спину ломит и... Живот мешает увидеть собственный член! Но если ты прямо сейчас начнешь заниматься спортом, то избавишь себя от этих маленьких неприятностей.

– То есть ваш мудрый совет – это «делай упражнения для брюшного пресса»? – спрашивает Рене 33 с некоторой досадой.

– Да, сделай одолжение, ведь мне достанется твое тело.

– Что еще мне полезно знать?

Рене 63 показывает гостю из прошлого дерево посреди сада.

– Продолжай интересоваться будущим. Это дерево могло бы служить символом времени. Представь, что его корни – это прошлое, ствол – настоящее, ветви – будущее. Прошлое зарыто в землю и плохо различимо, его скорее представляешь, чем по-настоящему видишь. Оно залегает, как длинные корни, глубоко в почве. То ли дело настоящее: оно прочно, на виду, но воплощено в одном лишь стволе. А вот будущее – это все эти многочисленные ветви, ведущие к листьям.

Сколько листьев, столько возможных сценариев будущего, они растут по соседству друг с другом и, значит, остро конкурируют. Некоторые листья из-за недостатка света или сока высохнут и опадут. Ветки обломятся. Этих линий будущего больше не будет. Другие ветки, наоборот, продолжают расти и укрепляться, отходя от центрального ствола, они продолжают видимое, прочное, единое настоящее. По мере роста дерева будущие его ветви можно либо поощрять, либо подавлять.

– Куда вы клоните?

– В твоих силах, Рене 33, воздействовать на ветви будущего, что тянутся к небу. Ибо таков важнейший закон, который ты должен усвоить после этого короткого визита: прошлого не изменить, на будущее можно повлиять. Но секунды бегут. Скорее возвращайся, думаю, публика тебя заждалась...

Рене открывает глаза. Зрители по-прежнему сидят в темноте, убаюканные арфой Опал.

Она показывает жестом, что теперь ему, как пилоту самолета, предстоит совершить мягкую посадку, чтобы все пассажиры пришли в себя.

Он чуть заметно кивает и берет микрофон.

– Что ж... Взгляните напоследок на себя в будущем, прежде чем с ним расстаться... Поведайте ему, как вы намерены осуществить на практике совет, полученный от него или от нее...

Опал извлекает из струн арфы еще несколько божественных аккордов.

– А теперь приготовьтесь к возвращению в настоящее... Представьте, что ваш дух снова облачается в повседневную одежду. Начинаю обратный отсчет: пять, четыре, три, два, один, ноль. Все, можете открыть глаза.

Слово «ноль» сопровождается продолжительным арпеджио.

Рене управляет со смартфона режимом освещения в зале. Театральные прожекторы все сильнее светят сквозь сиреневые фильтры. Публика в зале просыпается после третьей медитации с сопровождением, моргая, как после захватывающих сновидений.

– Перво-наперво, – продолжает Рене сладко и внушительно, – чтобы убедиться, что вы вернулись в свое тело, сделайте глубокий вдох. Пощупайте себе лицо, вспомните свои имя и фамилию. После этого постучите себя по ключицам, вот так... – Он стучит себя двумя сложенными пальцами по одному, а затем по другому плечу. Зрителям, кажется, по нраву эта легкая гимнастика.

– Первый вопрос: есть такие, у кого ничего не получилось?

Четверть зала поднимает руку.

– Как вы считаете, почему? Вот вы, мадам, например?

– Я не умею расслабляться. Голова всегда пухнет от мыслей.

– А вы, мсье?

– Я не верю в гипноз. Поэтому для меня все это – спек-

такль. Я даже подозреваю, что в зале сидят ваши сообщники, создающие впечатление общего порыва и доверия большинства к вашим трюкам.

Не противоречить. Плыть по течению. Улыбаться и не позволять сбить себя с толку.

– Что ж, возможно и такое.

После паузы Рене продолжает:

– Второй вопрос. У кого создалось впечатление, что опыт удался, но полной уверенности в этом у вас нет?

Руку поднимает еще четверть зала, этим людям забавно, что их скромный случай тоже принят во внимание.

– Например, вы, мадам?

– В расслабленном состоянии я кое-что чувствовала и видела, но не переставала спрашивать себя, не игра ли это моего воображения. Это не помешало мне пережить эксперимент во всей полноте. Поэтому я вас спрашиваю: все дело только в моем воображении?

– Понятия не имею. Никто не может с уверенностью утверждать, так это или нет. Ну, и наконец: у кого все прошло по-настоящему хорошо?

Руку поднимает половина зала.

– Кто из вас хочет поделиться?

Встает женщина лет шестидесяти.

– Я отчетливо видела себя в будущем, – заявила она. – Это было мое лицо, только гораздо более морщинистое, мое тело, только уже совсем старческое, наверное, старше девяно-

ста двух лет. Она была... как бы это сказать... большой шутницей. Чувствовалось, что раньше она была любительницей веселой жизни.

В зале многие улыбаются.

– Она с вами говорила? – интересуется Рене Толедано.

– Даже посоветовала мне есть меньше сладкого, иначе мне грозит диабет. Дала и другой совет: пить ежедневно больше воды. Уточнила: «Не меньше литра». И пошутила: «Не беспокойся, все выйдет: либо как моча, либо как слезы».

В зале снова довольны.

– Спасибо. Давайте поблагодарим мадам!

Зал аплодирует, и Рене чувствует, что простое совместное хлопанье в ладоши, коллективное производство звука – способ гармонизировать энергию.

– Другие желающие поделиться впечатлением?

– Я! – Встает женщина. – Я тоже встретила под деревом старушку. Элегантную, ухоженную, с тщательным макияжем. Вот только ее совет... Его нелегко выполнить.

– Выкладывайте! Здесь собрались деликатные люди, ваше откровение не покинет этих стен.

Снова смех.

– Она призвала меня уйти от мужа и сказала, что если я этого не сделаю, то превращусь в сварливую каргу. Мол, я могла бы подыскать себе спутника жизни получше. Вот ее фраза буквально: «Смотрела бы лучше на молодых мужчин с красивыми бицепсами и с маленькой круглой попкой. Хва-

тит искать интеллектуалов, – говорит, – бери пример с мужчин: выбирай партнеров по их внешности». Она даже посоветовала мне сходить на мужской стриптиз.

В зале уже покатываются со смеху.

Без расслабляющего смеха не передать духовного послания. Важно не переборщить с серьезностью, лучше поощрять тех, кому не страшно шутить на тему медитации.

Та же женщина считает необходимым добавить:

– А ведь это, уверяю вас, совершенно не в моем стиле.

Следующим слово берет молодой мужчина.

– Я увидел пожилого человека в джинсовом комбинезоне, с маленькой лопатой, с секатором на поясе, морщинистого, но загорелого, в очках, седого, но аккуратно причесанного. Он посоветовал мне бросить работу, потому что у меня некомпетентное начальство, да и фирма вот-вот разорится. Посоветовал скорее, пока финансы фирмы еще в порядке, потребовать у нее возмещение за понесенный ущерб, переехать жить в деревню, начать выращивать и продавать биологически чистые фрукты и овощи. Он уверял, что в предстоящие годы это будет гораздо более надежным заработком.

Новые аплодисменты.

Участники сеанса доверяются все больше и больше.

– Мне посоветовали больше путешествовать, открывать для себя другие способы жить, другие направления мысли. Особенно настаивали на поездке в Индию...

– Мне подсказали научиться играть на каком-нибудь му-

зыкальном инструменте. Сказали, что начать можно в любом возрасте. Предложили губную гармошку...

– А мое будущее «я» было даже другого пола, с моим мужским лицом, но с женским телом...

– Да уж, будущее припасло нам немало сюрпризов, – вставляет Рене.

Опал делает жест, означающий необходимость снова завладеть залом. Рене импровизирует:

– После этого эксперимента у всех вас, как я погляжу, есть потребность высказаться. Предлагаю посвятить пять минут рассказу о пережитом соседям по залу. Знаете, это как после пробуждения: если сразу пересказать свой сон, то он лучше запомнится. Кто хочет, может записать все на свой смартфон или на бумаге.

Шум в зале. Рене наклоняется к Опал.

– Ну, что скажешь?

Молодая женщина отвечает хриплым шепотом:

– Гипноз как способ встречи с собой в будущем – таким я еще не занималась. Отличная идея! После регрессивного гипноза ты изобрел новую технику, что-то вроде... перспективного гипноза. А вот предложение участникам обсудить все это между собой я не одобряю. Ты только взгляни на этот кавардак! Не позволяй залу расслабляться. Зал – как лошадь: никогда нельзя бросать поводья.

– Как же теперь быть?

– Я сыграю на арфе арпеджио во всю мощь. Это их отвле-

чет, и у тебя появится секунда, чтобы завладеть их вниманием. Добьешься тишины – спроси, есть ли у кого-то вопросы о том только что пережитом. И закругляйся. Следуй протоколу по завершению представления: аплодисменты, благодарность – поклон почтенной публике с прижатой к груди рукой, два выхода на бис, последняя благодарность, уход со сцены, выключение света.

Она усиливает звук. В «Ящике Пандоры» долго не смолкает громоподобное арпеджио. Как и было задумано, это восстанавливает тишину.

– Вот и настал момент расставания. Надеюсь, это представление пришлось вам по душе. До скорой встречи... в этой или в следующей жизни.

И тут происходит неожиданное: руку тянет рослая блондинка в юбке и в кожаной куртке.

– Подождите, мсье, очень вас прошу!

– Да, мадам? Хотите задать последний вопрос?

– Нет, у меня не вопрос, а просьба.

– Я вас слушаю.

– Вот что мне сказала будущая «я»: «Если ты действительно хочешь понять свое будущее, то попроси гипнотизера показать тебе не райский сад – искусственный, воображаемый, с растущим посередине деревом, а настоящую обстановку в мире спустя тридцать лет».

Такого совершенно не предусмотрено!

Рене старается не показать свое удивление и ищет способ

уклониться, но женщина не намерена отступать и с вызовом смотрит на него.

– Я хотела бы прожить именно этот опыт.

Рене Толедано чувствует, что зал ждет, как он прореагирует.

Она еще будет мне диктовать, как поступить!

– Очень жаль, но это невозможно, – бормочет Рене.

Женщина удивленно приподнимает бровь.

– Почему же?

Судя по ее сухому тону, она привыкла приказывать и не терпит непослушания.

– По той простой причине, что я никогда этого не делал. Не знаю, на кого вы там нарветесь. И вообще, не факт, что это осуществимо.

Проклятье, что за неуверенное бляенье!

– Не понимаю. Вы – профессиональный гипнотизер, да или нет?

– Так-то оно так, но...

– Значит, вы должны знать, как это делается. Раз вы никогда за такое не брались, то я не возражаю стать для вас первой подопытной свинкой, пользуйтесь.

– Понимаете, какое дело...

– Я готова пойти дальше, я способная. Будущая «я», с которой вы мне позволили встретиться, это подтвердила. Могу вас ободрить: первые три этапа мне полностью удались. Это было гениально: я видела все мелочи, все ощущала, чувство-

вала запахи, слышала звуки. Я давно увлекаюсь личностным развитием. Практикую на высоком уровне боевые искусства. Каждое утро посвящаю целый час практике «дзен». Еще я стажировалась в США, ходила там босиком по раскаленным углям. Последствий никаких – такова сила мысли. Будущее меня не пугает.

Опал шепчет Рене на ухо:

– Действуй!

Рене Толедано старается скрыть свою неуверенность.

Поздно давать задний ход.

– Как я погляжу, вы весьма мотивированы, а это главное для успеха экспериментов такого рода. Что ж, предлагаю вам подняться на сцену. Это будет индивидуальный сеанс, сугубо для вас одной. Зрители смогут присутствовать.

Женщина подходит к сцене решительным шагом, с энтузиазмом астронавта, готового стартовать в ракете с Земли.

– Хотите подбодрить нашу героиню? Предлагаю публике встретить ее аплодисментами!

Попробуем потянуть время.

Людей в зале, заинтригованных неожиданным поворотом представления, не приходится просить дважды.

– Как вас зовут?

– Веспа Рошфуко.

– Так, мадам Рошфуко, усаживайтесь вот на этот диван.

Рене старается справиться с дрожью в голосе. Опал кивает, показывая, что он сделал правильный выбор и что она

уверена в успехе нового эксперимента.

Веспа Рошфуко садится на красный бархатный диван в углу сцены, расстегивает пояс кожаной куртки, сбрасывает туфли на высоком каблуке и растирает себе пальцы ног, как будто они замерзли.

– Скажу без лести, месье Толедано, я нахожусь под глубоким впечатлением от того, что недавно пережила благодаря вам. Возвращение в мою прошлую жизнь – это что-то феноменальное. Там было все: экшн, напряжение, доведенные до совершенства декорации, как в кино. Но даже там такого нет: я чувствовала запахи, вкус, осязала, испытывала внутреннее волнение.

Чудо, а не клиентка!

– Я уверена, что, увидев мир, каким он будет через тридцать лет, сделаю новый шаг вперед в своем самосовершенствовании, – продолжает она.

– Искренне вам этого желаю.

– По-моему, вы скромничаете, месье Толедано. Вы изобрели просто-напросто машину времени, не стоящую ни гроша, зато пригодную для использования кем угодно, без денег и без технологических новшеств, и это – дух! Непонятно, как раньше никто до этого не додумался...

Веспа Рошфуко расстегивает пуговицу на своей черной кожаной юбке, пуговицу на желтой шелковой блузке и устривается на диване поудобнее. Рене постепенно гасит на сцене свет.

Она закрывает глаза, кладет руки на живот.

– Я готова.

Отступление невозможно.

Заметив его волнение, Опал изображает губами поцелуй

– это способ его подбодрить.

Рене собирается с духом. Была не была!

– Вообразите пятиметровую винтовую лестницу... Я отсчитываю ступеньки, а вы поднимаетесь и по пути расслабляетесь... Первая... Вторая... Третья... Четвертая... Пятая ступенька... Вот вы и перед дверью в будущее... Вы открываете эту дверь... Видите коридор с пронумерованными дверями... Идете к двери с цифрой тридцать, она означает, что вы перенесетесь в реальный мир, каким он будет через тридцать лет. Видите дверь?

Веспа Рошфуко долго молчит. Наконец она отвечает:

– Вижу.

– Откройте дверь, переступите порог...

– Готово.

– Что вы видите?

– Вижу сад, дерево, пожилую женщину, похожую на меня.

Та же искусственная обстановка, что в прошлый раз.

– Пусть все это испарится. Позвольте предстать перед вами реальности, которая наступит через тридцать лет...

Она хмурится, видно, как под веками бегают глаза.

– Получилось, я там.

– И что вы видите?

– Я в Париже, на Елисейских Полях. Всюду люди. Сейчас взгляну на телефон... На экране время – 11:30. Дата – 25 декабря 2053 года.

В зале удивленный гул.

– На экране высвечивается новая информация, – продолжает Веспя Рошфуко. – Температура воздуха: 43,7 градуса. Относительная влажность: 4 %. Понятно, почему мне так жарко. Здесь как в духовке. Жаркое лето, вокруг толпы народу. На тротуарах не протолкнуться. Пешеходы бегают, толкаются, трутся друг о друга. Транспортный затор без начала и без конца. Какофония гудков. От шума впору оглохнуть. Все нервные, агрессивные. Я двигаюсь, пытаюсь вырваться из окружающей меня толпы. Но на других улицах такое же столпотворение. Все авеню забиты легковушками, автобусами, грузовиками. Вижу газетный киоск, разглядываю обложку журнала. На ней заголовок: «ПЕРЕНАСЕЛЕННОСТЬ: ДОКОЛЕ?» Ниже: «НАС УЖЕ 15 МИЛЛИАРДОВ, НАСЕЛЕНИЕ РАСТЕТ ПО ЭКСПОНЕНТЕ. ВЫДЕРЖИТ ЛИ ЗЕМЛЯ СТОЛЬКО ЛЮДЕЙ?» Вокруг меня плотная людская масса. Это даже хуже, чем в метро в час пик. Им всем, похоже, все равно, но я уже задыхаюсь. Меня касаются, толкают, от всех разит потом, терпеть этого не могу! Вот сейчас толпа немного редет, потому что некоторые переходят на другую сторону авеню на зеленый свет, лавируя среди неподвижных машин. Я двигаюсь вместе со всеми. Ну и вонища здесь! Всюду едкий запах человеческого пота.

Толстуха рядом очень торопится, она толкает меня плечом, я теряю равновесие и падаю. Ах! Женщина торопится дальше, не подумав извиниться. Кто-то мне говорит, чтобы я не загоразивала путь другим. Я лежу на тротуаре и никак не встану. Пешеходы меня не видят, сейчас возьмут и пойдут прямо по мне, не давая подняться. У самого уха уже стучат каблуки...

Веспа Рошфуко возится на красном диване, нервно перебирает пальцами, по ее телу пробегают судороги, дыхание учащается.

Рене Толедано встревожен.

– Ну, что ж, пора назад, – говорит он. – Ждите обратного отсчета. Когда я начну, представьте лестницу, по которой на сей раз вы будете спускаться... 5... 4...

Но Веспа Рошфуко продолжает:

– Пешеходы перешагивают через меня. Думаю, меня принимают за нищую попрошайку или за алкоголичку, валяющуюся на земле. Меня не видят и того и гляди затопчут, если я сейчас не встану. Их так много... Ой, мне наступили на руку! Нога занесена над моим животом, сейчас меня...

Резкий выдох, как будто ей нанесли удар в живот.

Она распахивает глаза, вид у нее совершенно ошарашенный.

– Подождите! – кричит Рене. – Потерпите, мадам, прошу вас, подъем должен быть постепенным: 3... 2...

Но она его больше не слушает. Даже не обувшись, она

спрыгивает со сцены и убегает босиком.

О, нет, только не это!

Потрясенная публика не произносит ни звука.

Рене Толедано в отчаянии смотрит на Опал, но для той все это так же неожиданно, как и для него. Решение приходит мгновенно: он должен догнать эту женщину. Рене тоже спрыгивает со сцены и покидает баржу по узкому трапу, по которому только что сбежала Веспа.

– Подождите, мадам! Так нельзя! Подождите!

Рене видит быстро удаляющуюся по набережной фигуру. Женщина упрямо шагает строго по прямой, не видя ничего вокруг.

Он кидается за ней в темноту.

– Мадам Рошфуко! Подождите меня!

Не задерживаясь на перекрестках, она по-прежнему следует прямо. Справа от нее возникает сигналящая груда металла – грузовик. На кузове изображена пчела на лепестке цветка, ниже – реклама: «ЦВЕТОК АКАЦИИ, СТОПРОЦЕНТНО НАТУРАЛЬНЫЙ МЕД».

Грузовик резко тормозит, вдалеке разносится визг резины по асфальту.

О нет, нет, нет...

Рене закрывает глаза.

Истошный крик, удар.

Неделю спустя. Парижский уголовный суд.

Веспа Рошфуко находится в зале, рука у нее на перевязи, голова забинтована. Передвигается она при помощи трости. Ей предлагают стул.

– Будущее ужасно! Ужас, ужас!

От избытка чувств она делает глубокий вдох и собирается с духом, чтобы продолжить свой рассказ, залпом выпив предложенный ей стакан воды.

– Ну, нет, вы уж извините, но у меня не получится... Лучше не вспоминать эти жуткие картины, эту густую зловонную толпу, азартно топчущую меня... Кошмар! Нет, я не смогу...

Веспа Рошфуко возвращается на свое место и садится, выжатая, как лимон, словно после непосильного физического труда.

Берет слово ее адвокат:

– Моя клиентка, мадам Рошфуко, – человек выдающийся. Она сильная женщина, светлый ум в здоровом теле. Она возглавляет крупный научно-исследовательский институт. Занимается спортом. Она чемпионка боевых искусств. К несчастью, она угодила в лапы к этим двум шарлатанам. Моя клиентка ранена, контужена, ее телесные страдания усугубляются психологическими. Ночами она не может спать, бо-

ьясь снова пережить ту же травмирующую сцену, что во время пресловутого сеанса гипноза. Прискорбная реальность состоит в том, что гипноз в неумелых руках может превратиться в пугающее оружие ментального манипулирования. В рамках этого дела я встретился и побеседовал с другими жертвами такого рода. Им внушали уверенность, что они преодолеют свои фобии или пристрастия, похудеют или победят бессонницу одной силой мысли! Очевидно, что так не получается. Тогда гипнотизер внушает им, что нужны дополнительные сеансы, и они раскошеливаются. Поняв наконец, что столкнулись с мошенничеством, они слишком стыдятся своей наивности, чтобы подать в суд. Самое ужасное то, что вместо того, чтобы обвинять бесчестного психотерапевта, они обвиняют самих же себя в доверчивости! Поверьте мне, госпожа судья, гипноз – это новое оружие жуликов и сектантов.

Судья предоставляет слово государственному обвинителю, мужчине со сморщенным лицом.

– Госпожа судья, медам и месье, я буду говорить от всего сердца, не скрывая своих чувств, пусть даже в этом зале не вполне принят такой стиль. Вы позволите, госпожа судья?

– Будьте так любезны, господин прокурор.

– Сначала обозначу свою профессиональную позицию: я не выношу гипноз. Если уж совсем начистоту, я сам как-то раз присутствовал на зрелище такого рода и даже совершил ошибку – вызвался добровольцем. Гипнотизер попро-

сил меня закатать рукав рубашки и, отвлекая своей тарабарщиной, всадил мне в руку длинную иглу. Мне не полагалось чувствовать боли. «Это древний секрет факиров, – сказал он, – владение сознанием». Какое там! Я почувствовал боль, да еще как, кровь потекла вовсю, даже испачкала мою белую рубашку. Я сказал: «Мне больно», он твердо ответил: «Ничего подобного, вы ничего не чувствуете». Кровь шла и шла, мне становилось все хуже. «Я оплачу вам химчистку», – развязно заявил гипнотизер. Боль в руке была очень острой, рубашка была испорчена, но худшее было впереди: люди заплотировали, как будто не понимая, что гипнотизер позорно провалился. Никакой химчистки он мне, конечно, не оплатил. На мое счастье, игла не оказалась зараженной, а то мне грозил бы столбняк. «Техника факиров»? «Мысль сильнее боли»? Все это пустое, лепет, на который клюют внушаемые люди.

В зале с удовольствием внимают этому точному, неожиданному для суда рассказу. Слышится даже смех. Обвинитель, убедившись в успехе своего выступления, продолжает тем же тоном:

– И ладно бы только это! Я еще легко отделался. Один мой друг, проходивший обучение так называемому «владению мыслью при помощи самогипноза», в конце концов оказался босой на раскаленных углях. По его словам, люди вокруг поощряли его криками: «Ты сможешь! Мы с тобой! Держись! У тебя получится!» Так он дошел до края кучи углей, успел

услышать похвалы и поздравления и... угодил в больницу с ожогами стоп третьей степени. Бедняга больше не может носить закрытую обувь, только сандалии, даже зимой! Я решил навести справки, и вот какими цифрами я располагаю. Из имеющих опыт хождения по горячим углям сей трюк удался менее чем трети смельчаков, а для всех остальных дело кончилось серьезными повреждениями...

Зал суда полон. У одних два драматических рассказа прокурора вызвали любопытство, у других возмущение.

– К счастью, мой друг подал на гипнотизера в суд. Приговор был обвинительным, преступник заплатил большой штраф. Таким образом, гипноз...

Он поворачивается к Опал Этчегоен и к Рене Толедано и пригвождает их взглядом к скамье подсудимых. Рене думает:

Беда гипноза в том, что многие гипнотизеры стремятся создать впечатление, будто он воздействует на всех без исключения, тогда как, судя по моему личному опыту, хорошо реагирует только один человек из двух, не больше, но и не меньше. Очень жаль, что это мало кто понимает.

Выступление прокурора продолжается.

– Бедная мадам Рошфуко, вам еще повезло: ваш ужас был недолгим, вы отделались бессонными ночами и телесными повреждениями, которые заживут. Все могло бы кончиться гораздо хуже. Вы даже могли... умереть!

Обвинитель переходит на театральную декламацию, чувствуя, что полностью владеет вниманием зала.

– Мне бы хотелось, чтобы этот судебный процесс послужил примером и чтобы после него прекратились все эти глупости: гипноз, самогипноз, медитация, повседневные гипнотические практики, софрология, любая другая модная блажь, все эти бредни, обогащающие жуликов, которые пользуются доверчивостью простодушных людей. По этому делу я требую показательного приговора: месяца тюремного заключения. Полагаю, госпожа судья, важно превратить этот процесс в прецедент, который отпугнет шарлатанов.

Затем судья предоставляет слово защитнику.

– Госпожа судья, в намерение моих клиентов никогда не входило причинить кому-либо вред.

После этого трезвого напоминания судья спрашивает Рене и Опал, есть ли у них что сказать. Те отвечают отрицательно. Тогда судья берет время, чтобы посоветоваться с членами суда.

Очень скоро – Опал и Рене это время показалось вечностью – троица судей в черных мантиях возвращается.

– Оглашаю вердикт, – начинает судья. – Рене Толедано и Опал Этчегоен приговариваются к трем месяцам тюремного заключения с отсрочкой за причинение ранений, контузий и психологического шока госпоже Рошфуко, а также к возмещению пострадавшей убытков в размере пятьдесят тысяч евро. Наконец, во избежание новых несчастных случаев театр «Ящик Пандоры» закрывается.

Публика, среди которой есть несколько журналистов и

гипнотерапевтов, встречает ворчанием приговор, который считает излишне суровым.

Судья обращается к обоим подсудимым:

– Вам надлежит выплатить возмещение в течение пятнадцати дней, считая с сегодняшнего, в противном случае ваша баржа будет конфискована и продана с аукциона.

Она звенит в электрический звонок и объявляет:

– Слушания завершены.

Шум в зале нарастает, люди, выходя, обсуждают приговор, журналисты фотографируют Рене и Опал. К ним подходит прокурор и отечески читает им нотацию:

– На вашем месте я бы бросил весь этот гипноз, все эти прежние жизни с реинкарнациями. Это мой вам добрый совет, для вашего же блага. Правда же, все это какие-то глупости.

5. Мнемы. Теория реинкарнации

Следы древнейших верований в реинкарнацию восходят к X тысячелетию до нашей эры и дальше, они связаны с наблюдениями земледельцев за сезонными природными циклами.

Сама логика жизни побуждала первых оседлых земледельцев внимательно следить за сменой времен года, чтобы не ошибаться со сроками сева и уборки урожая. Нетрудно было заметить, что за осенью наступает холодная зима, когда вся жизнь замирает. Дерево, лишившись всех цветов, плодов, листвы, стоит безжизненное, с виду мертвое.

Таким образом, зима связана с представлением о смерти.

Но потом приходит весна, и дерево, казавшееся со всем угасшим, обретает новую «плоть», покрывается листвой, цветами, плодами. Оно будет расти и полноценно жить до следующей зимы – новой кончины, следом за которой опять придет весна – новое возрождение.

Все, кто переживает подобные циклы, естественным образом склонны полагать, что его собственной душе присуще зимнее увядание, а затем новая весна.

6

– Мы все потеряли. Мы разорены. Это катастрофа.

Стоя с Рене на тротуаре перед зданием суда, Опал смотрит на него своими зелеными глазницами. Удивительно, но в это мгновение она кажется ему еще красивее, чем обычно, как будто совместное испытание еще больше их сблизило.

Пока мы вместе, пока понимаем друг друга, все хорошо.

Молодая женщина, похоже, не разделяет этого ощущения.

– Все это – твоя ошибка. Зачем было отправлять ее в будущее, раз мы устраиваем визиты только в прошлые жизни?

– Это ты мне посоветовала пойти ей навстречу! – возмущается Рене.

– Не надо было меня слушаться.

Это ошибочная реакция. Она ищет виноватого, чтобы взвалить на него ответственность за всю эту историю. Кто же тут виноватый, если не я!

– Я тоже не мог знать, что будущее окажется таким жарким и перенаселенным.

– Ты не дал ей обычного обнадеживающего напутствия: «Вы заглянете в позитивную, приятную жизнь».

Должен признаться, что в пылу создания новой формы сопровождаемой медитации я забыл сформулировать это правило. Директива о безопасности препятствует попаданию в жизни, чреватые болью.

Опал с досадой роняет голову, рыжие кудри закрывают ей лицо.

– Как тебе взбрело в голову, что у тебя получится? Будущее!.. Сам видишь, все указывает на то, что будет только хуже и хуже...

– Ты хотела, чтобы в время эксперимента я думал о таких вещах?

– Надо было позаботиться о предохранителях, чтобы можно было мигом вытащить ее из Парижа будущего, превратившегося в кипящий тоннель метро, забитый до отказа в час пик! Ты запулил ее в самый настоящий кошмар у всех на глазах, Рене! Ее запинала и затоптала толпа! Как можно было так оплошать?

Рене вспоминаются слова его отца о спорах с его матерью: «Так называемые «объяснения» – просто способ друг друга бесить. Каждый, пошумев, отступает, сохранив свои прежние убеждения, не отойдя от них ни на миллиметр, зато уверенный, что другой услышал, наконец, правду».

Опал тяжело вздыхает.

– Пятьдесят тысяч евро! Судья пошла на поводу у этого чудака-прокурора. Он дал волю чувствам, прибег к так называемым «примерам из жизни». А наш адвокат? Жалкое зрелище! В общем, нас обобрали, как липку.

– Займем денег в банке. Сейчас низкий ссудный процент.

– Они пойдут нам навстречу, только если мы сумеем доказать, что у нас регулярный доход. Кредитуют только бога-

теньких. Помнишь, что наш театр «Ящик Пандоры» теперь на замке?

– У нас нет выбора, придется вернуться к нашим прошлым занятиям. Я узнал, что научный руководитель моей диссертации Александр Ланжевен избран президентом Сорбонны. Свяжусь с ним, вдруг сумею вернуться к преподаванию истории в школе...

Опал не против.

– У меня одно-единственное умение – гипноз. Пойду на профессиональные интернет-сайты, попробую наняться ассистенткой к какому-нибудь гипнотерапевту.

Рене делает шаг к Опал, чтобы ее обнять, но она отшатывается.

– Извини, Рене, я сейчас не в настроении. Угораздило же нас влезть в такую западню!

Внушительный циферблат на изящном фасаде университета Сорбонны стерегут справа и слева две музы. Рене Толедано сбавляет шаг, чтобы ими полюбоваться.

Понимание времени – вот ключ ко всему.

У дерева перед университетом задирает лапу собачонка.

Вот что отличает нас от животных! Этот песик живет только в настоящем, занят удовлетворением своих насущных потребностей и получением простых радостей: он ест, мочится, испражняется, при возможности находит сучку для размножения.

На прошлое песику наплевать. Ему неведом собственный возраст, дата своего рождения.

Он уже забыл своих родителей. Понятия не имеет, кем были его предки. Не имеет ни малейшего представления о будущем.

У него нет никакого плана. Ни на всю свою жизнь, ни даже на один свой день.

Его не мучает перспектива старения и грядущей кончины.

Он живет исключительно в настоящем. Вот оно, чистое, здоровое, но сильно ограниченное представление о самом себе.

Оно мешает ему более определенно воздействовать на все вокруг.

Между этой собакой, живущей в настоящем (и только в нем), и мной столько же различий, сколько между мной и еще более развитым человеком, который обретет умение как ни в чем не бывало путешествовать во времени.

Я начал продвигаться по этому пути, но мне еще многого предстоит достичь.

Таков расклад, таков смысл движения.

Стать этим духовным человеком с расширенным сознанием.

Изобрести эту новую личность, чей дух освоит исследование времени.

Рене застывает, погруженный в свои грезы. Это место вызывает у него воспоминания о недавних годах. Любуясь куполом и венчающим его крестом, сияющим на солнце, Рене вспоминает одного своего профессора, величавшего Сорбонну «храмом знаний».

Неподалеку, у входа в университет, студенты раздают политические листовки. Рене узнает эмблему крайне правой группировки, уделяющей особое внимание юридическому факультету.

Они пытаются закрепиться здесь, в Сорбонне, традиционно облюбованной левыми.

Мужчина с густыми усами повелительным жестом протягивает ему листовку, на которой изображен сжатый кулак в черной перчатке.

Рене, потупив взгляд, берет ее. Отойдя в сторонку, он пре-

вращает листовку в бумажный комок и бросает его в первую попавшуюся на пути урну.

Он заходит в главный двор. Это величественное место с мирной атмосферой. Под арками студенты курят, пьют кофе, спокойно читают.

Рене входит в аудиторию «Декарт», обшитую от пола до потолка лакированными деревянными панелями. Сидящий за столом соискатель защищает диссертацию перед комиссией из пяти человек. Рене тихо садится в переднем ряду.

Сам он защищал здесь диссертацию на тему Ренессанса. В конце вся приемная комиссия удалилась на десять минут, после чего вынесла вердикт: «Комиссия признает вас достойным звания доктора истории с оценкой...»

Несколько секунд он провел в неведении, а потом прозвучал конец фразы: «... с оценкой «весьма достойно».

То была высочайшая степень похвалы.

Потом его научный руководитель Александр Ланжевен, поздравляя его, сказал:

«Замечательная работа! Вы – мой лучший ученик. Если когда-нибудь пожелаете со мной работать – обязательно свяжитесь со мной».

Нынче голову Рене не покидает эта фраза. Он долго размышлял, как добиться встречи со своим профессором, пока не сообразил заглянуть в список диссертантов и найти среди научных руководителей фамилию Ланжевена.

После более чем часового изложения, которое Рене слу-

шает то внимательно, то не очень, Александр Ланжевен жмет соискателю руку и сообщает ему о присвоении докторского звания с оценкой... «приемлемо».

Выходит, хорошие оценки не выставляются автоматически...

Рене Толедано ждет, пока Александр Ланжевен со всеми поговорит, всем пожмет руку, и подходит к нему в тот момент, когда профессор уже готов покинуть аудиторию.

Несколько минут они смотрят друг на друга. У бывшего преподавателя загорелое лицо, красивая седина, розовая шелковая рубашка с расстегнутым воротником, дорогой шейный платок, льняной пиджак, начищенные мокасины, пальцы в перстнях.

Еще при Рене Александр Ланжевен гарцевал верхом на «Харлей Дэвидсоне», пуская выхлопы и пыль в глаза студенткам.

При ближайшем рассмотрении ни на щеках, ни вокруг глаз у него не оказывается ни одной морщинки. Ланжевен всегда утверждал, что знает секрет вечной молодости. «Время можно остановить, – говаривал он, – достаточно найти себе хорошего пластического хирурга». У шестидесятилетнего президента университета чрезмерно гладкий низ лица, что отчасти лишает его выразительности.

Уже в мою бытность студентом он был карикатурой на «ложную молодость», что не мешало ему слыть лучшим профессором. Неудивительно, что его выбрали президентом

Сорбонны.

– Толедано! Какой приятный сюрприз!

– Здравствуйте, мсье. Чудесно снова с вами встретиться!

– «Мсье»? Надеюсь, ты шутишь. Мы не на лекции. Зови меня Александром. Ты же Рене, да?

Он меня помнит! Это хороший знак.

– Ты больше не мой ученик, я больше не твой профессор. Мы просто два человека, живущие на одной планете, этого вполне достаточно.

Он обращается ко мне на «ты».

– Я узнал, что вас выбрали президентом Сорбонны. Примите мои поздравления!

– Я согласился только потому, что понятия не имел, какая будет нагрузка. Мой предшественник с облегчением перебросил мне горячую картофелину, уверяю тебя. Ну, а потом мне открылась неприглядная правда. Завидую боссам в частном секторе, запросто увольняющим несносных сотрудников. У меня полно таких, от кого бы я с радостью избавился... Ностальгирую по тем временам, когда был простым преподавателем, заражавшим студентов своим энтузиазмом. Ну, а ты чем занимаешься, Рене?

– Став доктором истории, я получил место преподавателя в лицее имени Джонни Холлидея².

– Лицей Джонни Холлидея?

---

² *Джонни Холлидей* – рок-певец, композитор и актер кино, носивший титул рок-звезды Франции.

Ланжевен громко хохочет. Кажется, он превратился в шумовой механизм, сразу развивший максимальную мощь и постепенно стихающий.

– Этак мы дождемся лица Ким Кардашьян, лица Лоаны³, лица Стиви⁴... А что, большинству молодежи этого и подавай: богатства и известности в обход образования, по примеру звезд телешоу. Ладно, идем ко мне в кабинет, там можно спокойно поговорить.

Профессор и его бывший ученик шагают бок о бок по коридорам, богато украшенным картинами, статуями, позолотой.

– Ну, и как тебе работается в твоём лице Джонни Холлидея?

– Я оттуда ушел.

– Почему?

– Кое с кем познакомился.

– Женщина?

– Она сбила меня с толку.

– В смысле «сбила стрелку твоего компаса»?

Я и забыл, что он – любитель этимологии.

---

³ *Лоана Петруччани* – музыкальный исполнитель, победитель первого французского реалити-шоу Loft Story на канале М6 в 2001 году.

⁴ *Стиви Уандер* – американский соул-певец, композитор, пианист, барабанщик, харпер, музыкальный продюсер и общественный деятель, оказавший огромное влияние на развитие музыки XX века, страдающий слепотой. Двадцатипятикратный лауреат премии «Грэмми». Один из основоположников современного соула и R'n'B.

– Ее зовут Опал. Она гипнотизерша. На одном своем выступлении она меня загипнотизировала, я клюнул на ее очарование. Потом Опал стала учить меня своему искусству, и я занялся тем же самым, что и она. Сначала это был самогипноз, потом я принялся за зрителей.

Паркет в старых коридорах скрипит под их шагами.

– Гипноз, говоришь? В древнегреческой мифологии Гипнос – сын богини ночи Нюкты, брат-близнец бога смерти Танатоса.

– А также папаша Морфея, бога сновидения, – подхватывает Рене.

Ланжевен с сомнением качает головой.

– Никогда не понимал, в чем тут интерес – вытаскивать людей на сцену и там превращать их в посмешище, заставляя корчить из себя младенца, курицу, собачку, а то и переживать сердечный приступ...

– Вы говорите о классическом зрелищном гипнозе, а я занимаюсь гипнозом, предназначенным для раскрытия подсознания. То же самое делают психотерапевты, только я превращаю процесс в представление. Это – обновление жанра. На моей концертной афише было написано: «Вы уверены, что знаете, кто вы такой?» Я предлагал людям прибегнуть к сопровождаемой медитации, чтобы перед ними предстали хорошие мгновения их прежних жизней.

Коридорам нет конца. Университет громадный. Александр Ланжевен поворачивается к Рене и говорит с улыбкой:

– Раз люди готовы платить за такие опыты над собой, то почему бы этим не воспользоваться? Ты всегда был себе на уме. Развлечения, апеллирующие к чувству магического, обречены на успех. Желание верить в чудо – одна из человеческих констант. В нашем мире давно нет колдунов, но людям необходимо грезить. Гипноз – вид колдовства – допустим, более современный...

– Все не так просто...

– Ты хочешь сказать, что всерьез веришь в гипноз?

– Это откровение, изменившее мою жизнь. Я предлагаю другим то, что больше всего поразило меня самого.

Александр Ланжевен останавливается посреди коридора и пристально смотрит на Рене, пытаясь понять, не насмеяется ли тот над ним. Но Рене выдерживает его взгляд из-за очков в позолоченной оправе.

– А еще это – способ по-другому подойти к истории, – продолжает молодой человек. – Я применяю гипноз, чтобы посещать другие эпохи, страны и цивилизации, в которых протекали мои прежние жизни.

– Ну что ж, – говорит Александр, возобновляя движение по университетскому коридору, – ты вполне разбираешься в истории, чтобы оживлять при помощи воображения эпизоды прошлого. Но что вселяет в тебя уверенность, что ты реально посещаешь прошлые жизни?

– Количество подробностей и их точность. Когда я оказываюсь в прошлой жизни, я как будто попадаю внутрь ки-

нофильма. Место мне незнакомо, эпоха тоже, я даже своего имени не знаю, зато улавливаю запахи, слышу звуки, мне доступны вкусы, ощущения, эмоции, разнообразная точная информация, доступная проверке и оказывающаяся абсолютно достоверной.

– Тебе не кажется, что все это – всего лишь создаваемая нашим мозгом иллюзия?

– Эти путешествия снабжают меня информацией о жизни простых людей – крестьян, торговцев, ремесленников, солдат, нищих, женщин. Короче, тех, кто не оставил следов, с которыми могли бы поработать историки. Я знаю, что они едят, как хворают исчезнувшими с тех пор болезнями, вижу места, не упомянутые ни в каких исторических книгах. Я сам переживаю голод, эпидемии. Для меня это уже не только слова и даты.

– Правильнее говорить, что ты все это вообразил...

Его не убедить. Я сам-то, если уж на то пошло, еще не до конца уверен.

– Ладно, готов признать, что никогда не достигну полной уверенности в реальном существовании этих жизней. Но эти эксперименты чрезвычайно освежают сознание.

Вот и кабинет президента университета.

Стену украшает десяток боевых мечей разных эпох. Александр Ланжевен коллекционировал старинное оружие еще в студенческие годы Рене. Тут же висят щиты и палицы, стоит манекен с ног до головы в доспехах, с копьем в руке.

– Знаешь, Рене, я искренне рад, что ты заглянул к своему старому преподавателю. Создается впечатление, что студенты университета, завершив учебу, напрочь нас забывают.

– Я знаю, в каком я перед вами долгу.

– Ты – особый случай. Ты был моим лучшим учеником, я этого никогда не забуду. «Учеником» в первоначальном смысле этого слова, то есть человеком, которому я помог подняться⁵. Даже если в тебе говорит твоя природная скромность, я без колебаний провозглашаю: ты был лучше всех. Не понимаю, почему ты не сделал карьеру в университете.

Надо было прийти сюда гораздо раньше, чтобы это услышать. Наверное, мне недостает самоуважения. Если честно, я не считал себя достойным такого пути.

– Вы были моим лучшим преподавателем, я очень вам за это признателен, но...

Ланжевен слушает его с улыбкой, играя с разрезным ножом. Внезапно он перебивает его:

– Тем лучше. Признайся, зачем пришел, Рене. Вряд ли просто с невинным намерением повидаться со своим бывшим профессором и поболтать с ним о прежних жизнях, ведь так?

– В результате всевозможных происшествий, поведать вам о которых я еще не успел, я вынужден искать работу. Не могли бы вы взять меня на работу?

– Гипнотизером?

---

⁵ Французские слова *élève* (ученик) и *s'élever* (подниматься) – однокоренные.

– Преподавателем истории.

Александр Ланжевен откладывает разрезной нож, встает из кресла, подходит к стене, берет шпагу – все это молча.

– Знаю, моя просьба несколько бесцеремонна... – бормочет Рене, слегка напуганный умением своего учителя обращаться со шпагой. – Думаете, это реально?

Александр Ланжевен корчит гримасу и, глядя на клинок, резко отвечает:

– Нет.

Ему нравится то хвалить, то хулить.

– Должность преподавателя исключена. Причин две. Во-первых, сейчас разгар учебного года, а договоры на сентябрь подписываются в июне. Во-вторых, у меня нет бюджета на учреждение новой штатной единицы.

Он вращает шпагой, как будто сражается с невидимым противником.

– Ты огорчен?

– Это еще мягко сказано. Я надеялся на чудо, – признается Рене.

Ланжевен не прекращает размахивать шпагой.

– И правильно делал. Потому что существует еще одно обстоятельство: я люблю принимать невозможные вызовы. Помнишь, как я однажды учил тебя азам фехтования?

Чуть не забыл! Мы пришли в фехтовальный зал, где он показал мне кое-какие приемы... Он был отменным наставником и в этом.

Александр Ланжевен сдергивает со стены вторую шпагу и бросает ее Рене. Тот рефлекторно выбрасывает вперед руку и неуклюже ловит шпагу за рукоять.

– Предлагаю тебе ордалию, «Божий суд», решение которого превосходит все прочие, ибо его исход определяется самим Всевышним. Двустороннюю ордалию, юридическую дуэль, если тебе так больше нравится. Сумеешь меня победить – получишь место штатного лектора. Вести практические занятия не нужно, зарплата выше – и свобода! Какой будет тема твоей первой лекции?

Скорее, скажи хоть что-нибудь!

– Штатный лектор?.. Тема должна быть обширной и открытой, чтобы возбудить любопытство... Сейчас соображу... «Иной взгляд на Историю»!

– Почему бы нет? Тебе остается всего лишь завоевать эту работу в бою. Решает Бог.

Потрясенный, Рене не реагирует на вызов, поэтому Александр Ланжевен угрожающе прикасается к его груди кончиком шпаги.

– Защищайся! Приготовься отразить атаку. Учти, я буду нападать по-настоящему. Ордалия так ордалия. Ради этого места ты должен рискнуть жизнью.

– Вы шутите? Прямо у вас в кабинете? Мы тут все переломаем, и вообще...

Рене Толедано не успевает договорить: его бывший учитель делает выпад, который он еле-еле отражает.

– Я серьезно. Если ты одержишь победу, то я исхитрюсь немедленно изыскать средства на новую ставку лектора. Если победа будет за мной, тем хуже для тебя. Разве не заманчиво?

Ланжевен снова атакует, Рене снова отбивается. Кончик шпаги рвет ему рубашку и до крови режет руку.

– Дерись же! Подумаешь, царапина! Если ты откажешься обороняться, то следующая будет гораздо глубже. Защищайся!

Насколько велика его готовность меня проткнуть? Не может же он так рисковать! Не убьет же он меня, просто чтобы доказать свою удачу? При том что я не могу себе позволить причинить ему вред.

Ланжевен распоясывается, он запрыгивает на свой письменный стол, чтобы угрожать Рене сверху. От следующего его выпада у Рене распорото запястье.

Тут раздается стук в дверь.

– Не смей меня беспокоить! – кричит Александр.

– Это почта.

Не дожидаясь разрешения, входит секретарша. При виде двух мужчин со шпагами она не выражает ни малейшего удивления. Найдя место, где ей ничего не грозит, она выдвигает ящик стола и кладет туда стопку писем.

– Вы потом вспомните, куда я положила вашу почту, мсье? – осведомляется она небрежным тоном и выходит, осторожно прикрыв за собой дверь.

Ланжевен пользуется тем, что его противник отвлекся, чтобы предпринять новую атаку и зацепить Рене за рукав пиджака.

Он всерьез наносит удары!

Рене берет себя в руки, теперь и он серьезно относится к этой дуэли. Он проводит серию боковых выпадов и быстро меняет высоту своих ударов. Профессор, похоже, одобряет этот поворот.

– Наконец-то я тебя узнаю, Рене! – восклицает он.

Кажется, у меня нет выбора, если я действительно хочу получить место.

Внезапное воодушевление молодого преподавателя удваивает энергию президента университета. Новый выпад, поворот, укол в колено Рене.

– Внезапный удар! – комментирует он. – Два верховых удара, спуск и укол как можно ниже...

– ...который я парирую! – Рене делает сильное круговое движение, перехватывает шпагу противника и блокирует ее.

В ответ на укол Рене Александр выпускает шпагу. Она летит через весь кабинет и вонзается в портрет одного из первых президентов университета.

Рене пользуется этой возможностью, чтобы аккуратно приставить кончик шпаги к груди своего бывшего научного руководителя. У того едва не сваливаются с носа очки в золотой оправе.

– Ну так как, получаю я место лектора? Или мне надавить

посильнее?

Лезвие мясного ножа вонзается в антрекот, из мяса брызжет алый сок.

Опал Этчегоен отрезает кубик, цепляет его вилкой и подносит ко рту. Рене Толедано внимательно за ней наблюдает.

Они ужинают вдвоем в ресторане в Латинском квартале.

– Ты шутишь? Ты и вправду чуть не убил президента Сорбонны? – недоверчиво спрашивает она.

– Он вызвал меня на дуэль. И всерьез сражался. Экстравагантный господин!

Молодая женщина строит удивленную гримасу и пальцами отправляет себе в рот жареную картошку – гарнир к антрекоту.

– Уже после дуэли он сознался, что один из лекторов тяжело заболел и проваливается в постели весь учебный год. То есть я объявился как нельзя вовремя.

Официант приносит им баночку с горчицей.

– Я тоже нашла работу, – сообщает она. – У одного гипнотерапевта.

– Что у него за клиентура?

– Желаящие бросить курить. Они прибегают к гипнозу как к последнему отчаянному средству.

– Как зовут этого специалиста?

– Маркус. Доктор Маркус.

– Так прямо «доктор»? У него медицинское образование?

– Нет, но он считает, что так лучше звучит и придает серьезности. В любом случае требовать у него диплом никто не собирается. И он щеголяет в белом халате... Даже мне слов «доктор» и «белый халат» достаточно для впечатления, что меня вылечат. В каком-то смысле это подсознательное программирование. Главный его козырь – голос. Низкий такой, очень внушительный и убедительный. У него есть еще один трюк: он берет 190 евро за сеанс.

– Как дорого!

– Сумма говорит о высокой ответственности. Тот, кто готов отслюнявить столько денег, хочет купить за них высокое качество, а значит, сам высоко мотивирован. Переступая порог кабинета, он уже наполовину исцелен.

– Какая ты циничная!

– Просто я мыслю здраво. Недаром он утверждает, что доля успеха достигает у него восьмидесяти процентов. К нему записываются за три месяца вперед.

Опал хрустит картошкой, потом задает Рене вопрос:

– Когда ты начинаешь в Сорбонне?

– Завтра утром. Александр попросил меня подготовить тему. У меня уже созрела идея. – Он целует ей руку. – Я никогда не забуду, что это ты открыла мне гипноз.

Ужин продолжается в приятной обстановке. Они заказывают одинаковый десерт – бананы «фламбе» – и не спеша наслаждаются им. Потом, глядя Рене в глаза, Опал сообщает

ему:

– Доктор Маркус откровенно пялился мне в декольте...

– Хочешь, чтобы я ревновал?

Она подмигивает.

– Тебе не о чем тревожиться... Я исповедую верность, а у него вдобавок отталкивающая особенность – плохой запах изо рта. Все время дымит, как испорченная труба. Представь, заядлый курильщик лечит от пристрастия к курению!

Рене приподнимает бровь.

– «Делай, что я говорю, а не что я делаю», да?

– Главное, он принял меня на работу.

– Сколько пообещал?

– Тысячу шестьсот евро. А тебе сколько будут платить?

– Тысячу восемьсот. Погоди... – Он быстро считает на калькуляторе своего телефона. – Чтобы погасить долг, затянув пояса, нам придется пахать минимум два года, – подытоживает он.

– Через две недели наступает срок выплаты возмещения и процентов, – напоминает она.

– Что-нибудь придумаем.

Опал и Рене платят по счету и возвращаются домой, в квартиру на борту баржи-театра, пришвартованной к причалу на Сене.

В ванной Опал смывает косметику и чистит зубы. Рене заключает ее в объятия, целует в шею. Она аккуратно высвобождается.

– Прости. Со времени суда у меня не проходит беспокойство, никак не получается расслабиться.

– Никак не простишь мне пробный эксперимент с будущим?

– Это пройдет. Дай мне немного времени привыкнуть к происходящему.

Опал быстро засыпает, раскидывает руки и ноги, потом переворачивается на бок и начинает храпеть.

Но Рене не до сна. Ему не дает покоя новая мысль.

Что за перенаселенный мир будущего привиделся Веспе Рошфуко?

Убедившись, что его возлюбленная крепко спит, он без шума встает и запирается в туалете.

Над раковиной висит небольшой плакат:

ТОЛЬКО ЗДЕСЬ ИСТИННЫЙ ПОКОЙ

Для Рене это тесное помещение – настоящее святилище. Он закрывается на задвижку, опускает крышку на унитазе, садится на нее и принимает позу лотоса, подобрал ноги. Спина у него прямая, плечи расправлены, подбородок слегка опущен. Закрыв глаза, он делает глубокий вдох, потом дышит в замедленном ритме, расслабляясь.

Он представляет себе поляну, посередине которой растет большое ветвистое дерево.

Но под деревом никого нет.

В точности как на сеансе гипноза Веспы Рошфуко, он усилием мысли прогоняет искусственную обстановку, чтобы

возникла реальность мира тридцать лет спустя.

Он попадает в комнату грязноватой современной квартиры. Первое ощущение – жара, второе – запах сигаретного дыма и пива. Единственное в комнате окно открыто настежь. Судя по всему, это крохотная студия площадью десять квадратных метров. В комнатухе помещается диван-кровать, стол с компьютером, стул. Мусорная корзина полна пустых пивных банок. Жару трудно вынести. В окно врывается какофония автомобильных гудков и людских голосов. Боясь попасть в то же положение, что его первая подопытная свинка, Рене намеренно выбирает внешнюю точку обзора, чтобы вникнуть в будущее того человека, которым ему предстоит стать.

На диван-кровати сидит старик, с которым он уже встречался в первое свое посещение будущего. На старике футболка с девизом панков «БУДУЩЕГО НЕТ». Рене-63 выглядит совсем не так, как в их прошлую встречу. Он небрит, седые лохмы торчат во все стороны, морщинистое лицо имеет нездоровый багровый оттенок, брюхо заметно выросло.

Заметив Рене, старик начинает суетиться. В прошлый раз он был гораздо безмятежнее.

– Наконец-то ты пожаловал! Я надеялся, что однажды ты явишься, и не ошибся. Слушай меня внимательно. Ты должен действовать без промедления. Ситуация очень серьезная. Все это – из-за твоей ошибки. Ты не должен был позволять той женщине заглянуть в будущее. Из-за тебя будущее

уже не то, что было раньше. Один ты можешь исправить то, что получилось из-за твоей оплошности.

– Вы о чем? Не понимаю.

– Я уже говорил тебе это в прошлый раз: время подобно дереву, в твоих силах сделать так, чтобы та или иная его ветка стала частью незыблемого настоящего. Когда твой дух вступил со мной в контакт, ты увидел меня в искусственном саду.

– Верно, в первый раз я не увидел вашего мира. В мире, в который попала Веспa Рошфуко, на Земле жили 15 миллиардов человек при температуре выше 40 градусов...

– Что ж, это еще куда ни шло. Да, многовато народу, но хотя бы мирная жизнь. Не было страха нехватки еды и питья.

– А что же в этот параллельном, менее симпатичном будущем?

– Те же самые 15 миллиардов, но в нагрузку – третья мировая война!

Рене-63 включает ноутбук и загружает страницу канала непрерывных новостей. На экране пылающие города, уличные бои, ползущие по проспектам танки, географические карты со стрелками, показывающими вторжение вражеских армий, даже замедленная съемка атомных «грибов».

У ведущего новостей отрешенный тон, как будто лично его все это не касается. Внизу экрана бежит лента биржевых сводок с красными стрелками, указывающими вниз. Растут только военные предприятия.

Потрясенный Рене бормочет:

– Как же до такого дошло?

Рене-63 закрывает экран ноутбука, достает из холодильника банку пива и пьет прямо из нее. Рыгнув, он отвечает:

– Все из-за пчел.

– Пчелы?!

– Началось с полного исчезновения пчел. По официальным данным, последнюю живую пчелу видели в июле 2047 года. После этого уже ни разу не встречали ни одной. С того момента, как предрекал Эйнштейн, мир продержался четыре года. Мы стали свидетелями не «эффекта бабочки», когда трепет крылышек мотылька на каком-то островке вызывает бурю совсем в другом месте, а «эффекта пчелы»: это когда вымирание одного вида приводит к... к тому, что ты только что наблюдал.

Он отпивает еще пива.

– Пчелы опыляют 80 % цветковых растений, на долю которых приходится 80 % съедобной растительности. Человечество при этом не переставало расти. Решили, что опылять можно вручную или при помощи роботов, но из этого ничего не вышло. Мелкая причина – и грандиозные последствия: сельскохозяйственное производство резко упало. Одновременно рост температур вел к уменьшению урожайности зерновых. Расползались пустыни, становилось все хуже с водой и все жарче, у крестьян уже не было средств, чтобы платить за воду для орошения. В довершение зол в Азии, Африке

и Латинской Америке поля стали уничтожаться огромными стаями саранчи. Железная закономерность: нехватка еды при росте населения приводит к голодным бунтам. Повсюду вспыхивали демонстрации, их подавляли...

– И это привело к войне?

– Политических трений и так хватало. Взрыв произошел на Среднем Востоке: Иран схлестнулся с Саудовской Аравией, шииты с суннитами. Старинный конфликт в конце концов расколол мир. Тут же создалось два блока: Россия, Китай, Венесуэла и Северная Корея поддержали Иран, а США, Израиль, Европа и Южная Корея выступили на стороне саудитов. В обоих лагерях хватало ядерного оружия! Заметь, я подозревал, что все эти растущие арсеналы рано или поздно пригодятся. Вот тебе и ядерная война. При таком количестве земель даже после разрушения столиц бои продолжились в менее крупных городах и в сельской местности. Это и есть третья мировая. Сейчас, в декабре 2053 года, она в самом разгаре. Плюс к тому мы подышаем от жары и от жажды!

Он залпом допивает банку и как будто испытывает эфемерное облегчение.

– Почему исчезли пчелы?

– Я принадлежал к группе интеллектуалов, размышлявших о том, как бы остановить этот процесс самоистребления человечества. Они тоже искали ответ на твой вопрос и добрались до истоков катастрофы.

Рене-63 встает, подходит к кондиционеру, убеждается,

что тот сломан, и включает вентилятор, больше производящий шум, чем гоняющий раскаленный воздух и комаров. Он утирает грязным платком пот со лба.

– Нам удалось найти самые давние причины. В 1960-е годы сложилась так называемая современная модель сельского хозяйства – с массовым использованием пестицидов, гербицидов, инсектицидов и прочих средств, достоинства которых как способов увеличения урожайности всячески прославлялись. Крестьяне были только «за». Расширение посевных площадей позволило снизить стоимость продуктов питания. Потребители сочли это развитие позитивным: ведь росла их покупательная способность. Казалось бы, успех? Как бы не так! Все это привело к гибели 70 % насекомых-опылителей. Но смертельным ударом для пчел стало наступление азиатских шершней начиная с 2004 года.

– Про азиатских шершней я знаю, есть такие, но их не так много, чтобы вымерли все пчелы...

– Тем не менее они вымерли.

– Почему вы говорите, что в этом виноват я?

– Сейчас объясню. У меня провалы в памяти из-за лекарств, которые я принимаю, чтобы не пить. Но я точно знаю, что все началось с того пресловутого сеанса «перспективного» гипноза. Помнишь тот день, когда ты выступал на барже «Ящик Пандоры» с шоу Опал?

– Как же не помнить!

– Помнишь, как ты вызвал на сцену блондинку в черной

кожаной куртке, чтобы она заглянула в будущее?

Шум на улице становится оглушительным, и Рене-63 приходится почти кричать, чтобы Рене-33 его услышал. Тому тоже приходится говорить громче.

– Не вижу связи...

– Квантовая физика учит, что наблюдатель модифицирует наблюдаемое. Достаточно увидеть будущее, чтобы его изменить. Та блондинка увидела будущее – и изменила его.

– Если причина во мне, то мне и искать противоядие. Что я могу сделать, чтобы всему этому помешать?

– Хотел бы я знать! Сейчас у меня не вполне ясная голова. Мне уже не до путешествий во времени, стало трудно сосредоточиться. От лекарств и спиртного у меня мутится рассудок, но я не могу обходиться без того и без другого. Раньше сигарета помогала мне яснее мыслить, но и этот целительный эффект остался в прошлом.

– Тем не менее мы беседуем.

– Ты – единственный, кто способен до меня достучаться. С некоторых пор я уже не могу открывать двери бессознательного.

– Скажите, что я могу сделать!

Рене-63 закрывает окно. Становится еще жарче, зато не так шумно. Он закуривает сигарету, раздумывает и, наконец, говорит:

– Как я говорил, я входил в круг людей, искавших способ положить конец этой беде. На нашем последнем совещании

была упомянута книга, которая могла бы повлиять на время.

– Книга?! Что за книга?

– Я помню только название: «*Пророчество о пчелах*».

По привычке Рене отматывает немного туалетной бумаги, так же машинально спускает воду, идет в ванную и моет руки. Перед ним зеркало.

ЧТО Я СДЕЛАЛ?

За первым вопросом автоматически следует вопрос:

КТО Я ТАКОЙ НА САМОМ ДЕЛЕ?

Он брызгает себе в лицо водой, трет щеки. На ум приходит фраза, которую он часто слышал от отца: «Чтобы понимать будущее, надо помнить прошлое».

Как я до этого дошел?

Он был робким ребенком, средним учеником, его ждала скучная, спокойная жизнь по примеру родителей, прививших ему вкус к знаниям. Пенелопа, его мать, преподавала точные науки. От нее он усвоил, что познание научной истины сродни полицейскому расследованию. Эмиль, его отец, учитель истории, передал ему страсть к исторической правде, которую считал актом справедливости.

Обоим была близка мысль, что наука и история не могут не изумлять.

Но школьные учителя требовали от него только запоминания имен королей, названий рек и сражений, дат, столиц. Все это было трамбованием мозгов; хорошие оценки ставили тем ученикам, кто мог как можно ближе к тексту отбара-

банить заученный урок.

Книги по программе французской литературы чуть ли не вызвали у него отвращение к литературе вообще.

*Это как шпинат: от него может стоинить, если не до-
бавить соус бешамель.*

Благодаря некоторым преподавателям и своим родителям юный Рене все же уяснил, что надо постигать отрасли науки как игру ума, а не просто как блоки информации.

«Все, что нас окружает, красиво, надо только проявить внимание», – говорил ему отец. «Все, что нас окружает, достойно восторга, надо только постараться понять, как все это устроено», – дополняла его мать.

От всего этого у Рене появлялось желание лезть под капот машины и наблюдать за двигателем, заглядывать за холодильник, чтобы понять, откуда берется холод. Он разобрал на мельчайшие детали старый механический будильник, чтобы понять... что такое время.

Тем не менее желание понять, что такое на самом деле наш мир, делало его мать тревожной. Каждое утро, послушав по радио новости, она удрученно вздыхала и закуривала, как будто хотела выдохнуть вместе с дымом всю черноту мира.

Она слишком много курила и в конце концов умерла от рака легких. Потом, в 55 лет, заболел болезнью Альцгеймера его отец. Наверное, чтобы забыть утрату – свою большую любовь.

Теперь отца содержали в специальном санатории.

Рене унаследовал профессию родителей – тоже стал учителем.

Он тоже хотел показать своим ученикам, что история – это забавно, увлекательно, удивительно, что все эти странные люди, жившие в прежние времена в разных странах, совершали поразительные поступки – как к добру, так и к худу.

А потом он повстречал Опал Этчегоен, выступавшую в плавучем театре с удачным названием «Ящик Пандоры».

Ему вспоминается первый его сеанс гипноза...

Открыв дверь 109 в коридоре своих прежних жизней, он оказался солдатом Первой мировой войны во время смертельного «наступления Нивеля».

Я думал, что знаю, кто я такой, но не знал, кем был раньше.

За тем первым опытом последовали тяжелые дни. Чтобы исправить это нарушение в спокойном ритме своей жизни, он снова отыскивал гипнотизершу и потребовал, чтобы та излечила его от ментальных нарушений, вызванных путешествием в прошлое.

Она объяснила, что его прошлую жизнь не поменять, зато есть возможность открыть для себя другие свои прежние жизни. Лучшим способом забыть болезненное путешествие она назвала другое путешествие в иную, более приятную жизнь.

Она научила его сознательному применению этого нового инструмента для исследования мозга.

Рене стал погружаться в свои прежние жизни и знакомиться с другими персонажами, то есть с собой прежним. Среди всех этих регрессий самой поразительной была та, что позволила ему повстречать за дверью номер 1 самое древнее свое «я».

Это был мужчина, живший в глубокой древности на берегу моря. Рене вступил с ним в диалог. Человек настоящего связался с человеком из седого прошлого, и тот ответил на его вопросы: его город стоял на большом острове между Америкой и Африкой, носившем имя «Атлантида». Рене знал, что острову суждено быть проглоченным океаном.

Уже экстренная ситуация...

Он подсказал древнейшему своему воплощению по имени Геб построить корабль и покинуть остров, пока не началось наводнение, которое погубит его цивилизацию.

Геб поблагодарил свое будущее «я» за совет, после чего Рене вернулся в настоящее.

Эксперимент показался ему потрясающим и плодотворным. Рене влюбился в Опал, красавицу-гипнотизершу, распахнувшую ему глаза и сознание.

Они решили отправиться в путешествие, на этот раз в настоящем. Опал продала свою баржу. Они добрались до Египта, предположив, что там побывал Геб. Они нашли следы его пребывания и его влияния, воплотившегося в строительстве пирамид.

В конце концов они очутились на Бермудах, где создали

с компанией друзей группу для исследования прежних жизней, просуществовавшую несколько месяцев.

Потом Опал и Рене вернулись в Париж и купили новую баржу, чтобы показывать на ней представления – регрессивный гипноз.

Жизнь улыбалась им довольно долго – пока не произошел инцидент с Веспой Рошфуко.

Теперь им за две недели нужно найти 50 тысяч евро.

Рене вздыхает. Он снова ложится под бочок к своей возлюбленной, чтобы еще поспать.

Он представляет, как Геб приплывает в Египет.

10. Мнемы. Путешествия души в Древнем Египте

Мифы Древнего Египта повествуют о том, что все началось с прибытия по морю великанов. Приплыли они с расположенного на западе острова, из утраченного рая, захлестнутого водами потопа. Понемногу из этих первоначальных мифов сформировалась религия египтян.

Иероглифы расшифровал в 1822 году француз Шампольон⁶. Немец Карл Рихард Лепсиус⁷ перевел в 1842 году текст под названием «Выйти на свет», который он назвал «Книга Мертвых в Древнем Египте».

В этом тексте «свет» понимается как символ жизни, как дорога к просветлению и к бессмертию души, как противоположность темноте, смерти и забвению. У египтян было принято класть свиток папирусов с этим текстом в могилы умерших и в саркофаги. Его автором считался бог Тот, известный как «Повелитель Времени».

В «Книге Мертвых в Древнем Египте» подробно

---

⁶ Французский востоковед, основатель египтологии. Благодаря проведенной им расшифровке текста Розеттского камня 14 сентября 1822 года стало возможным чтение египетских иероглифов.

⁷ Немецкий археолог и египтолог.

описано путешествие души усопшего после гибели его телесной оболочки.

Первая часть: душа отделяется от плоти.

Вторая часть: усопший провозглашает свою готовность к возрождению. Он обретает «имя своей первоначальной души».

Третья часть: усопший, узнавший, наконец, свою истинную сущность, приобретает волшебные познания, чтобы предстать перед судом богов за все хорошее и дурное, содеянное им на Земле. Если его сердце окажется легче пера, то он сможет выбрать положительное перевоплощение. В противном случае он обречен на страдания – возмездие за дурные дела.

Четвертая часть: усопшему показывают двери возможных перевоплощений и то, что находится за каждой из них. Он выбирает себе следующую жизнь.

Когда Рене просыпается, Опал еще спит. Стараясь не шуметь, он принимает душ, одевается, готовит завтрак.

Из головы у него не выходит диалог с человеком, которым он будет через тридцать лет.

Не похоже, чтобы он работал.

Наверное, он на пенсии.

Бедный будущий я...

Я стану обшарпанным субъектом, живущим в возрасте 63 лет в одиночестве в студенческой комнатухе, глотающим снотворные, курящим, чтобы успокоиться, пьющим пиво, чтобы забыться, и уже не способным даже на регрессивные медитации.

Рене тянется за смартфоном.

Как называется книга, которую он мне посоветовал разыскать?

Он рыщет в интернете, попивая кофе. Оказывается, книга «Пророчество о пчелах» существует. Ее автор – некий Сальвен де Бьенн. Судя по рекламе издательства, он был рыцарем-крестоносцем, участником штурма Иерусалима в 1099 году. Видимо, там ему явился ангел-хранитель, недоумивший его изложить на листах пергамента нечто, предвещающее будущее. Сочинение было закончено в 1121 году от Рождества Христова. Впоследствии эти листы были собраны в

кодекс и столетиями кочевали из рук в руки. При открытии архивов КГБ в 1991 году их, наконец, обнаружил профессор истории Патрик Ковальски.

В своем предисловии к изданию Патрик Ковальски рассказывает, что русские секретные службы изъяли кодекс в конце Второй мировой войны из нацистского архива в Берлине, куда он попал из варшавской библиотеки после уничтожения местного еврейского гетто в 1942 году.

Ковальски проработал «Пророчество о пчелах», снабдил его предисловием и издал в 1994 году в издательстве *Albin Michel*.

Рене перебирает все сайты по продаже старинных и подержанных книг, но эту никто не предлагает.

Тогда он сосредоточивается на профессоре Ковальски, но не находит ни одной его фотографии, ни одной ссылки на него, ни одного интервью с ним.

Любопытство распаляется, Рене расширяет поиски и все же находит критический отзыв о книге, автор которого – журналист Жан Вилен:

«Эта работа меня взволновала, и я с любопытством начал ее читать. Но чем дальше я переворачивал страницы, тем больше находил несуразностей. Самая вопиющая – это упоминание открытия Америки. Как крестоносец, якобы живший в 1121 году, умудрился прознать о континенте на западе Атлантики?»

Жаль, что издателю не хватило честности признать, что эта книга – всего лишь имитация пророчеств Нострадамуса. И последняя подробность, настоящий смертный приговор: нас уверяют, будто текст составлен неким рыцарем-крестоносцем Сальвеном де Бьенном, якобы участвовавшим во взятии Иерусалима в 1099 году. Однако больше нигде этот персонаж не упомянут, что дает все основания сомневаться в его существовании. На мой взгляд, Патрик Ковальски – это псевдоним, Сальвен де Бьенн – вымышленный рыцарь, а само пресловутое «Пророчество о пчелах» – дурное подражание стилю старинных колдовских книг. Вывод однозначен: это фальшивка».

12

– Что есть подлинность и что есть фальшь?

Рене читает лекцию в одной из малых аудиторий Сорбонны. Ее стены расписаны под потолком замысловатыми фресками на исторические сюжеты. Под фресками блестят лаком деревянные панели, паркет скрипит даже от легчайшего шага.

Лекцию внимательно слушают человек сто.

Рене ставит свой ноутбук на кафедру, откашливается и вещает:

– Обширная тема. Есть соблазн заявить, что все на свете так или иначе лгут и что всякий в конечном счете начинает верить в собственную ложь. Некоторые лгут сознательно, некоторые – бессознательно. Лгут из желания навредить, от страха, от лени, от неведения. Не зная, что произошло на самом деле, человек, спасая лицо, придумывает нечто, кажущееся ему правдоподобным или по тем или иным причинам его устраивающее. Он собирает в один пучок самые противоречивые элементы. Наполеон Бонапарт говорил: «История – это сплошная ложь, с которой все согласились».

В аудитории слышен смех.

– В наши дни правильнее будет сказать так: история – это компромисс между официальными версиями экспертов и теориями заговора из интернета. Цена этого компромисса

– количество «лайков» в социальных сетях.

Аудитория одобряет услышанное веселым гулом.

– Тема этого цикла лекций – «Иной взгляд на Историю». Сегодня я начну с рассказа о фундаменте профессии историка. Историк расследует, как в действительности происходили события в контексте конкретной эпохи, учитывая ментальность тех времен, а не взгляд человека XXI века с его снисходительным отношением к прежним поколениям.

Слушатели бодро записывают.

– Но сначала полезно будет вспомнить, как постигается история. Один из ответов на этот вопрос – «по текстам». Без текстов никуда. Слово «предыстория» означает «историю до истории», то есть до появления письменности. Но кто пишет? Наши источники – это в основном писцы или писатели, которые зарабатывали на жизнь, работая на власть предержащих. Кто из наших современников может похвастаться тем, что имеет официальную биографию? Политики, знаменитые актеры, гангстеры на пенсии... Некоторые, кстати, совмещают все три позиции, потому что они не противоречат одна другой...

Снова смех.

– И именно их станут вспоминать через сто лет, когда захотят узнать, кто был лицом нашей эпохи. Так что же такое наше истинное прошлое? Истина в том, что не все наши предки были прекрасными, высокоморальными людьми. Большинство совершало постыдные поступки или являлось

сообщниками в их совершении. Мы – потомки каннибалов, кровосмесителей, душегубов, воров, насильников, грабителей, трусов. Но мы можем искупить их грехи, если вспомним правду вместо того, чтобы преумножать ложь. А еще мы – потомки изнасилованных женщин, рабов, жертв побоищ, осужденных за деяния, которых они не совершали, жертв дискриминации. Именно поэтому мы и занимаемся этим прекраснейшим из ремесел – ремеслом справедливости. Мы чиним разбитое, проливаем свет на спрятанное. Рассказывая правду – настоящую, а не привычную, подсовываемую пристрастными книгами, – мы возвращаем жертвам украденное у них достоинство. В нашей власти вернуть исчезнувшим цивилизациям их величие вопреки клеветнической пропаганде их разрушителей.

Один студент поднимает руку.

– Как же в таком случае узнать, что произошло на самом деле?

– Узнать это с уверенностью нельзя. В лучшем случае можно приблизиться к истине. Для этого необходимы три вещи...

Рене встает и подходит к большой грифельной доске у него за спиной. Он пишет на ней мелом: «ДВА РАЗНЫХ ИСТОЧНИКА + ГЛУБОКАЯ УБЕЖДЕННОСТЬ».

Слова просит молодая женщина.

– Как бы вы определили эту самую «глубокую убежденность»?

– Можно сказать иначе: это присущая всем нам интуиция... женская интуиция.

Видя реакцию некоторых, Рене говорит:

– Здесь нет ничего смешного! Каждый из нас оснащен бессознательным детектором лжи, позволяющим улавливать в информации несообразность. Помнится, когда про радиоактивное облако Чернобыля в 1986 году говорили, что его остановили Альпы, в моей голове сработал детектор лжи. Я сказал себе: выходит, облако затронуло Монако, Швейцарию и Бельгию, но ни одной французской деревни?.. Разве вам не знаком этот рефлекс?

Слушатели кивают.

– Есть историки-пропагандисты, либо проплаченные, либо врущие из своих политических убеждений, а еще есть историки-глупцы...

В зале снова веселье.

– Эти воображают, что нечто знают, но судят вкривь и вкось и в конечном итоге совершенно не понимают реальных событий. Никогда не забывайте, что большинство людей прошлого жили с квазимагическим пониманием событий, которых не могли осмыслить и которые впоследствии получали научное толкование.

– Например? – интересуется студентка.

– Возьмем солнечные затмения, задававшие ритм политической жизни царей инков. Они не знали, что это такое, отсюда мистически-политическая интерпретация затмений.

Или молния, считавшаяся у древних греков божьей карой. Европейцы жили с ощущением, что вокруг них кишат ангелы, следящие за христианами из невидимого мира. Таков смысл барельефов на фасадах готических соборов.

– Но послушайте, – не унимается та же самая студентка, – раз все историки прошлого не заслуживают доверия, то откуда у сегодняшних историков возьмется надежда, что уж они в своих трудах не соврут?

Прежде чем Рене успевает ответить, вмешивается кто-то еще:

– ...из споров с лектором Сорбонны, лучше всех остальных знающим, что правда, а что ложь, что разумно, а что глупо, что есть суеверие, а что наука...

Рене улыбается, чтобы не показать, что этот баламут сбил его с толку.

– Вы правы, – подхватывает он. – Никому не верьте, даже мне. Я не непогрешим: я всего лишь человек, образование, полученное от родителей и от общества, в котором я живу, снабдило меня весьма субъективными рамками интерпретации мира. Сама наша сущность не позволяет нам претендовать на объективность, но по крайней мере здесь мы это сознаем. Будьте бдительны. Исходите из принципа, что вами часто пытаются манипулировать, чтобы заставить поверить в ложь...

У него мелькает мысль:

... и в фальшивки, вроде пророчества Сальвена де Бьен-

HA...

В окна университетской столовой сочится солнечный свет.

Рене Толедано двигает поднос вдоль прилавка самообслуживания, берет рыбу в сухарях с картофельным пюре и йогурт и устраивается за столиком в углу.

Вкус столовской еды вызывает у него любопытство, он с ностальгией вспоминает свои студенческие годы. Он поглощен вкусовыми ощущениями и сначала не замечает подошедшего к нему Александра Ланжевена.

– Можно?

Не дав Рене времени на ответ, наставник садится напротив него.

– Мне рассказали о твоей лекции сегодня утром. Похоже, получилось забавно. Публика оценила.

– Я стараюсь, чтобы слушатели учились составлять собственное мнение. Цель не в том, чтобы они повторяли вдолбленное. Не скажу, что вызвал всеобщее воодушевление, кое-кого я шокировал и многих, похоже, раздразил.

– По крайней мере, не уснул. Мой навязчивый страх – заметить в разгар лекции, что кто-то дрыхнет, а кто-то печатает эсэмэс.

Жестом он привлекает внимание Рене к обедающим за столиками вокруг них. Большинство играет со смартфона-

ми, даже пришедшие вдвоем. Мало кто ведет личную беседу.

– Мы – рассказчики, не больше и не меньше, – продолжает Александр. – Разве есть занятие чудеснее этого? Я вообще считаю, что будущее принадлежит рассказчикам историй...

Рене раздумывает, теребя нож, а потом спрашивает:

– Вот скажите, Александр, вы, большой знаток Средневековья, слышали о пророчествах некоего Сальвена де Бьенна?

Ланжевен досадливо морщит лоб.

– Сальвен де Бьенн? Нет, никогда о таком не слышал. А что?

Приятно хотя бы раз назвать имя, которое для него – пустой звук.

– Один знакомый посоветовал мне навести о нем справки. Этот Сальвен де Бьенн – автор текста под названием «Пророчество о пчелах». Там про крестоносца, якобы участвовавшего в штурме Иерусалима в 1099 году и оставившего предсказания будущего вплоть до 2101 года.

– За четыреста пятьдесят лет до Нострадамуса?

– Я нашел в интернете критическую статью, в ней этот текст назван фальшивкой.

– Знакомый, рассказавший тебе об этом средневековом пророчестве, достоин доверия?

– Я знаю его с недавних пор. Совсем недолго, если уж на то пошло, всего несколько дней.

– Он историк?

– Пенсионер, бывший профессор истории.

Рене только-только разошелся, но Александра Ланжевена уже посетила другая мысль.

– Сейчас я познакомлю тебя с коллегами.

К ним подходит молодая невысокая женщина, кареглазая шатенка с рыжей прядью. На ней красная блузка и красные джинсы. Рядом с ней мужчина в коричневом свитере, с густыми, как у Ницше, усами.

Рене сразу его узнает: это он раздавал листовки у входа в Сорбонну в тот день, когда Рене пришел к Ланжевену.

– Знакомься, Мелисса, это Рене Толедано. Рене, это моя дочь Мелисса Ланжевен, а это Бруно Мустье, ее жених. Оба преподают здесь историю.

Бруно протягивает Рене руку.

– Вы – новый лектор, которого привел Александр? Учтите, все уже в курсе этой истории, профсоюзу она не понравилась.

Александр спешит на помощь к Рене.

– Рене Толедано – не абы кто. Когда-то он был моим лучшим аспирантом, написал блестящую диссертацию о Ренессансе. Так что он имеет право на исключительное обращение. Было бы плачевно не найти применения его таланту.

– Это вызов для всех нас, его соперников, – иронизирует Бруно.

Мелисса и Бруно ставят свои подносы на их столик и тоже садятся.

– Дочь увлекается этимологией, как и я, а то и больше, –

говорит Александр. – Она хочет понимать происхождение каждого слова. Она думает, что имя человека – ключ к его личности, в какой-то степени программирующий ее поведение.

– Что вы скажете о моем имени?

– Рене? Исходное слово – латинское «renatus» – «родившийся во второй раз». Возможно, это объясняет ваш интерес к Ренессансу...

– А по-моему, это чистая случайность. Впрочем, эта случайность мне более чем подходит, – уступает Рене. – Скажите, а что означает имя вашего отца?

– Имя «Александр» греческого происхождения. В нем две части: «alexo» – глагол, имеющий значение «отталкивать», и «andros» – «человек». Значение имени – «отталкивающий человека», то есть «отбивающий врага».

– Имя воина вполне для меня годится.

Бруно берет со своего подноса бутылку вина и предлагает налить всем сидящим за столом.

– Ты пьешь в обеденное время? – удивляется Александр.

– Даже когда все остальное провалится в тартарары, во Франции останется вино, сыр, хлеб, круассаны, – говорит Бруно. – Я пью даже эту столовскую бурду. Трапеза без вина для меня – все равно что праздник без музыки. Предлагаю чокнуться!

Бруно залпом опрокидывает темную бурду и наливает себе еще. Рене замечает, что Мелисса не одобряет эти замаш-

ки.

– Расскажи о себе еще немного, – просит Александр.

– Я преподаю историю Античности, – начинает Бруно. – Обожаю эту эпоху! Римляне и греки были мастерами устраивать оргии. Большинство мужчин были гомосексуалистами и проводили время в попойках и в домах терпимости. Одна из заповедей римлян гласила: женщины – чтобы делать детей, мужчины – чтобы получать удовольствие. К тому же у них не было проблем с обслуживающим персоналом. Рабы выполняли всю работу, а их хозяева возлежали у бассейнов, в прекрасных цветущих садах. Тех, кто отлынивал, били или убивали. По-моему, чудесные были времена! Видели фрески в Помпеях? Не иначе, это был город сплошных борделей...

Ага, за это и был выжжен и похоронен под лавой извергнувшегося Везувия! – думает Рене.

– Занятно, – вмешивается в разговор Александр, – что мы четверо – специалисты по разным периодам. А вместе покрываем всю историю человечества! Думаю, выбор периода для изучения свидетельствует об особенностях мышления. Бруно избрал Античность, я – Средневековье, Рене – Ренессанс, Мелисса – двадцатый век.

Бруно продолжает с полным ртом:

– Я выбрал Античность не только по вышеназванным причинам, но и потому, что тогда все началось: демократия, философия, математика, театр, спорт. Ничего по-настоящему нового с тех пор не изобрели.

Александр считает своим долгом подхватить:

– Признаюсь, я выбрал Средневековье из любви к периоду возведения огромных соборов. Средневековье привлекает меня чувством чести. Даже на войне соблюдался рыцарский кодекс. Дав слово, люди боялись его нарушить, так как это было чревато муками ада. Слова обладали весом. Даже отношения мужчины и женщины зиждились на уважении и на рыцарстве.

– А как же закрепощение, суеверия, неграмотность, не говоря о грязи? А ведь во всем этом жили в Средние века три четверти населения, – возражает Бруно, снова с набитым ртом.

Александр, справившись с гримасой раздражения, обращается к своему визави:

– А ты, Рене?

– Что ж, я выбрал Ренессанс, потому что это эпоха выхода из мракобесия. Не обессудьте, Александр! При Ренессансе просыпается желание вкладывать средства в искусство, а не в оружие. Ренессанс подарил нам Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рабле, фламандских живописцев, перспективу в изобразительном искусстве. Мир расширяется, происходит открытие Америки, Китая. С научной точки зрения это эпоха понимания того, как работает человеческий организм. Приходит понимание, что думают мозгом, а не сердцем. Наконец, человек осмеливается допустить, что Земля не центр Вселенной. А появление и развитие книгопечата-

ния!

Мелиссе надоедает молчать.

– Что до меня, то я выбрала двадцатый век как эпоху резкого ускорения истории. Две мировые войны, русская, китайская, кубинская революции, сексуальная революция 1970-х годов, компьютеризация, современная медицина, феминизм, рок-н-ролл, кинематограф, фотография, авиация, ракеты, первые шаги человека на Луне... Не спорю, Ренессанс был началом пробуждения сознательности, а с 1900 года началось прощание с гуманизмом, который в некотором смысле является наивным идеализмом, и осознание необходимости покончить с неравенством – будь то между рабочими и работодателями, мужчинами и женщинами, Югом и Севером.

Бруно аккуратно берет кончиками большого и указательного пальцев кусочек цветной капусты и показывает его как символ ядерного взрыва.

– Русская революция привела к двадцати миллионам смертей, китайская – к шестидесяти миллионам! – напоминает он. – Безумные диктаторы уничтожают собственное население во имя идеала коммунизма – хорош прогресс!

– А ты, наверное, предпочитаешь фашистских диктаторов! – фыркает Мелисса.

Александр чувствует, что разговор грозит перерасти в перепалку, и пытается унять разошедшуюся пару предназначенным для Рене объяснением:

– Мелисса у нас, так сказать, прогрессистка.

– Я не боюсь более четкого определения – «левачка». Я – член Революционной коммунистической лиги. Бруно обо-
жает Цезаря, но лично я предпочитаю Че Гевару.

– Порой я даже удивляюсь, как вам удается сохранять гар-
монию при диаметрально противоположных политических
взглядах, – вздыхает Александр Ланжевен.

– Мы с Бруно одинаково не выносим центристские прави-
тельства, вялый консенсус, буржуа, уклоняющихся от воен-
ной службы, и всех трусов, жаждущих компромисса любой
ценой, лишь бы избежать необходимых радикальных реше-
ний.

– Мы с Мелиссой верим в революцию. Она стремительнее
и эффективнее, чем любые полумеры.

Бруно с довольным видом допивает свой бокал. Он вы-
сказал свое политическое кредо, для него это важно. Мелис-
са, судя по всему, огорчена тем, что ее жених столько пьет.
Она пожимает плечами и делает попытку отодвинуть от него
бутылку, но он не дает и упрямо наливает себе новый пол-
ный бокал, залпом его осушает, воинственно обводит всех
взглядом и заявляет:

– Кончайте с целомудренностью! А то вы не знаете, что
историю двигают вперед люди крутого нрава, а не слабаки!

Высказавшись, он резко встает, швыряет на стол салфетку
и уходит, не попрощавшись.

Троица изумленно переглядывается. Александр меняет

тему.

– Рене ищет информацию о некоем рыцаре Сальвене де Бьенне, якобы написавшем в 1121 году книгу пророчеств.

– 1121 год? – Дочь президента Сорбонны вздыхает. – Это же твоя любимая эпоха, папа. Помочь ему сможешь только ты.

– У нас насчитывается три миллиона томов, в том числе несколько сот пергаментов, написанных монахами. Сейчас в библиотеке ремонт, но на следующей неделе она должна открыться...

Рене внимательнее приглядывается к Мелиссе и приходит к выводу, что где-то ее уже видел.

14. Мнемы. Фараон Эхнатон

В конце концов первые великаны, приплывшие по морю с запада, умерли от старости. Их духовное завещание оказалось искажено, окарикатурено и забыто. Власть захватила жреческая каста, объявившая, что только жрецы сохраняют память об учении гигантов-чужестранцев.

Пришедшие к власти жрецы Амона назначали фараона, правителя-марионетку, которым манипулировали по своему усмотрению. Не находясь на виду, они присвоили себе привилегии, всевластие и богатство.

Наконец в 1355 году до нашей эры молодой фараон Аменхотеп IV решил, что хватит жрецам Амона эксплуатировать наивность и суеверие народа, и отмежевался от политического выбора собственного отца, Аменхотепа III. По его мнению, наступила пора вернуться к первоначальным верованиям – к культу солнечного света, именовавшегося по-древнеегипетски «Атон».

От изощренного многобожия он перешел к простому монотеизму. Свое собственное прежнее имя Аменофис, означавшее «Амон удовлетворен», он сменил на имя «Эхнатон»⁸, «посвященный Атону».

---

⁸ Эхнатон – древнеегипетский фараон-реформатор из XVIII династии, извест-

Покинув город Фивы, он основал свою собственную столицу на новом месте, севернее старого, которую назвал «Ахетатон» («Горизонт Атона»).

Эхнатон во всем был противоположностью своему отцу.

Вместо того чтобы вести войны на всех границах, он употреблял свою энергию на строительство новых городов или на обустройство крупных старых поселений (Гелиополиса, Карнака, Мемфиса), на прокладывание новых дорог и оросительных каналов.

Он лишил жрецов Амона их привилегий.

Он сделал свою жену Нефертити соправительницей (а не просто женой фараона, как раньше), впервые наделив женщину политической властью.

То была не просто религиозная, но и политическая, социальная, художественная революция. По мысли этого фараона, искусство должно было уже не служить царственной семье и прославлению ее войн, а отражать повседневную жизнь людей, изображать природу, животных.

Эхнатон оказался также хорошим писателем: это один из редких фараонов, кому приписывают авторство литературного произведения – «Большого гимна Атону», найденного итальянским археологом Джованни Бельцони в 1816 г. в Долине обезьян.

ный до пятого года своего правления как Аменхотеп Четвертый.

Он повелел стереть все упоминания об Амоне, в том числе иероглифы с именем своего отца, что вызвало скандал. Жрецов Амона разогнали, божкам с головами животных, сопровождавших жрецов, больше не поклонялись. Фараон Эхнатон перестал строить большие закрытые храмы, собиравшие толпы близ больших городов, вместо них он соорудил по всей стране маленькие открытые молельни. Он считал, что ввиду отсутствия крыш в них будут проникать лучи солнца, несущие свет Атона. Он поощрял составление на папирусных свитках летописей, излагавших все события эпохи, чтобы они не были забыты.

Рене Толедано подходит к дому 22 по улице Юиган в XIV округе Парижа, близ бульвара Монпарнас и одноименного кладбища.

После храма знаний он очутился перед храмом книги – издательством *Albin Michel*.

Он звонит, входит в стеклянную дверь и обращается к девушке-администратору:

– Здравствуйте, я ищу одно издание, которого не нахожу ни в книжных магазинах, ни в интернете: его нет ни на торговых платформах, ни на сайтах коллекционеров.

– Не могли бы вы сказать, как оно называется?

– «Пророчество о пчелах». Вы издали эту книгу в 1994 году.

– Я посмотрю, что можно сделать. Не возражаете немного подождать? – Она указывает Рене на салон для посетителей рядом со входом.

Рене опускается в кресло. Стены вокруг увешаны портретами звездных авторов издательства. Ему кажется, что знаменитости смотрят на него, это его пугает.

Администратор куда-то звонит и принимает звонки, но Рене не знает, занимается ли она его запросом. Люди входят и выходят, Рене любопытно, есть ли среди них писатели. Некоторые любезно приветствуют его кивком, кто-то здоро-

вається, єсть і такіє, хто в упор єго не видит. В єтой вереницє людєй Рене с удивлєннєм узнаєт министрє.

Каждый рано или поздно пишет «свой» роман из страха забвения. Это место – не только издательство, но и небольшая фабрика бессмертия.

Бегут минуты.

Наверное, мне лучше уйти.

– Это вы ищете «Пророчество о пчелах»?

Маленький человечек в больших толстых очках, похожий на крота, подходит к Рене и представляется:

– Серж Боннафу, директор коллекции. Это я издал книгу, которую вы ищете.

– О, здравствуйте, зря я вас потревожил, я просто хотел найти эту книгу, надеясь, что она еще осталась у вас на складе.

– Вы ее не найдете.

– Почему?

Человечек устраивается в кресле напротив Рене.

– По той простой причине, что это невозможно, – отвечает он любезнейшим тоном и наклоняется к Рене. – Не скажете мне, дорогой мсьє, почему вы заинтересовались этой книгой?

– Я преподаю историю, читаю лекции в Сорбонне. Один мой друг, тоже профессор истории, сказал, что эта книга содержит ответы на волнующие меня вопросы.

– Вам известно, о чем она?

– Полагаю, это книга пророчеств, написанная в 1121 году крестоносцем и обнаруженная в 1991 году в русских архивах профессором Патриком Ковальски.

– И все?

– В ней рассказано, что будет происходить в будущем, до 2101 года.

– И вас это занимает? – спрашивает издатель, рассматривая Рене поверх своих толстых очков. Взгляд у него лукавый, насмешливый.

– Честно говоря, я не знаю, что подумать, ведь я ее не читал. Поэтому мне показалось, что проще всего будет прийти сюда и попробовать ее раздобыть.

– Что еще вам известно?

– Еще я нашел в интернете статью, где утверждается, что это фальшивка.

– Статью Жана Вилена, не так ли? Это единственный журналист, который заговорил о книге. Это не принесло ему удачи: через некоторое время после появления статьи он умер.

– Что об этом думаете вы сами, издатель текста? – спрашивает Рене. – Что это, оригинальный документ эпохи или подлог?

Серж Боннафу делает глубокий вдох, как будто готовится к серьезному испытанию, и долго хранит загадочное молчание.

– Эта мысль, – начинает он, – посетила одного из лучших моих авторов, Патрика Клотца. В то время были в мо-

де пророчества Нострадамуса. Некоторые издательства, наши конкуренты, с успехом публиковали тексты такого рода. Вот Клотц и говорит мне: «Я накропаю пророчества, которые перещегооляют древностью Нострадамуса». Патрик был автором-хамелеоном: он умел подражать любым стилям и обладал феноменальными историческими познаниями. Полагаю, для него это было своеобразным вызовом: изобрести «свое» пророчество.

Боннафу ностальгически кивает головой, как будто вспоминает несчетные чудеса, сотворенные его плодовитым автором.

– Клотц был большим профессионалом, но при этом графоманом. Он писал по тридцать страниц в день! Трудился с шести утра до полудня. И никогда не брал отпуск. Писать для него было то же самое, что для других – говорить. При этом он был тот еще болтун. Представьте человека, который постоянно рассказывает истории, просто не может иначе. Понемножку – еще туда-сюда, но когда получается перебор, то это становится утомительно для окружающих. Ох уж эти мне писатели-графоманы, со многими из них я знаком... Как мне жалко их жен! Жить с человеком, строчащим не переставая, думающим только о текущей рукописи – это же с ума сойти можно, вы со мной согласны?

– Безусловно.

– Вы, конечно, историк, вы пришли за вашей историей пророчеств, а до моих издательских страданий с сонмом пи-

сателей-графоманов вам нет никакого дела, верно?

– Что вы, вовсе нет! – протестует Рене.

Боннафу вздыхает и продолжает уже серьезно:

– Сочинение «Пророчества о пчелах» было для него игрой. Когда он поделился со мной своим проектом, я считал это задачей, достойной такого крупного писателя, как он, и такого уважаемого издательства, как наше. Словом, мы решил рискнуть. Мы придумали загадочного Патрика Ковальски, чтобы создать эффект «таинственного автора в маске», по примеру романа Ромена Гари «Вся жизнь впереди»⁹.

– Сами вы читали это самое «Пророчество о пчелах»?

– У меня больше сорока авторов. Нет у меня времени заниматься каждой их книгой. Достоинство такого писателя, как Клотц, в том, что его рукописей не нужно было даже касаться. Все и так уже было доведено до совершенства. Редкость, но бывает. К тому же он не выносил, когда в его текстах меняли даже запятую.

– Как приняли книгу?

– Я до конца надеялся, что прием будет хорошим. А тут этот критикан Жан Вилен, наткнувшийся на анахронизмы и поставивший под сомнение существование Патрика Ковальски! Знаете, парижские критики – как панурговы бараны: стоит хотя бы одному из них сказать о какой-то книге хоро-

---

⁹ Ромен Гари издал роман «Вся жизнь впереди» под именем Эмиль Ажар и стал единственным в истории писателем, дважды получившим Гонкуровскую премию.

шее или дурное, как все остальные принимают блять ему в унисон. Учитывая, что у большинства в этом узком мире тоже нет времени на чтение, мнение одного становится мнением всех. Вот вам и объяснение, почему лучшие из лучших – Эдгар По, Герман Мелвилл, Франц Кафка, Эмили Бронте, Борис Виан – не попали на глаза критикам своего времени и обрели только посмертную славу. Даже Жюль Верн не фигурировал в литературных хрониках своего времени, о нем заговорили как об уникальном писателе только через пятьдесят лет после его смерти.

– После критики Вилена на книгу набросились другие журналисты?

– Ничего подобного. Хватило одной его критической статьи. Ни один журналист не рискнул выступить против этого журналистского шедевра и защитить измышления не значащегося в летописях рыцаря, раскопанные так называемым экспертом, не давшим ни одного интервью и не фигурирующего ни на одной фотографии. Так что этим все и завершилось.

– А продажи?

– Поскольку книга не получила прессы (не считая Вилена), ее быстро сняли с полок. Если я правильно помню, мы отпечатали несколько тысяч экземпляров, а куплена была от силы сотня. Книгу зачислили в категорию «убытки».

– Куда девались непроданные экземпляры?

– Пошли на макулатуру. Были переработаны в бумаж-

ную массу и стали другими книгами... После статьи Вилена Клотц распахнулся. Сказал, что его книга – все равно что бисер для свиней. Что люди не умеют ценить его пророчеств и вообще их не заслуживают.

– Что стало с самим Клотцем?

– Умер в 2010 году, во сне. Так и не вскрылось, что автором пророчеств Сальвена де Бьенна был он. Ныне эта книга никого не интересует. Но Клотц продемонстрировал этим проектом свою историческую эрудицию и способность придумать лжепророчество – но к чему оно? Проблема в том, что все это известно одному мне. У Клотца был потрясающий талант фальсификатора – умельца выдавать на-гора произведения, превосходящие качеством оригинал.

– Можете подарить мне экземпляр?

– Увы, нет. Повторяю, Клотца вся эта история взбесила. Он потребовал, чтобы я истребил все следы его текста: рукопись, гранки, контрольный оттиск. Думаю, он лично похитил экземпляры, отправленные, как того требует закон, в Национальную библиотеку. Пятнадцать лет он выискивал проданные экземпляры по одному и в конце концов все их обнаружил и уничтожил. Хотите услышать самое удивительное? Вы – первый, кто задает мне вопросы об этом произведении, и, соответственно, вы становитесь единственным, не считая меня, кто знает эту историю.

Серж Боннафу умолкает, разглядывает Рене и добавляет:

– И еще одно. Незадолго до его смерти мы с ним обедали,

и он сказал: «Между прочим, ты не все знаешь о «Пророчестве о пчелах». С этой книгой связана одна большая тайна». Сказал – и очень странно на меня посмотрел. Нас прервали общие знакомые, и разговор зашел о другом. Так я и не узнал, на что он намекал.

Вернувшись домой, Рене Толедано без сил опускается в низкое кресло и вкладывает в один глубокий вздох все свои мысли, не дающие покоя.

Почему будущее завело меня в этот тупик? Пресловутого рыцаря Сальвена де Бьенна окружают одни фальшивки.

Гостиная баржи украшена масками различных эпох и стран. Рене кажется, что они смотрят на него и насмеваются.

Этот издатель – самый настоящий фейк. Подделка, причем неудачная.

Он смотрит в иллюминатор на Сену. Мимо проплывают баржи.

Тем не менее это, похоже, единственный путь, предлагаемый мне Рене-бэ, чтобы не дать разразиться в его эпоху третьей мировой войне...

Чтобы изменить ход своих мыслей, Рене берет пульт от телевизора и машинально включает канал непрерывных новостей.

Ведущий читает:

«... Совещание по глобальному потеплению в Париже. Страны Запада требуют, чтобы развивающиеся страны лучше контролировали свои выбросы. Те возражают, что со стороны стран, уже изрядно загадивших атмосферу, несправедливо запрещать им выброс тепличных газов и тем самым

препятствовать экономическому росту, подобному западному. Тем временем температуры растут. Многие метеорологические институты бьют тревогу, предупреждая о жаре в ближайшие месяцы.

Соединенные Штаты. Демонстрации после гибели афроамериканца, убитого полицейским при обыкновенной проверке документов, переросшей в драку. Шествия, организованные движением *Black Lives Matter*, собрали десятки тысяч участников, в Лос-Анджелесе они вылились в мятежи, приведшие к поджогам и к грабежам магазинов.

В Турции, где в 2020 году превратили храм Святой Софии в мечеть, государство решило закрыть все церкви и запретить христианские богослужения на турецкой территории. Совет Европы заявил протест, но президент Турции напомнил, что он ни перед кем не отчитывается и что речь идет о внутренней политике страны. Арестовано множество журналистов и руководителей оппозиционных турецких газет, занимавших светские позиции.

У берегов острова Маврикий снова произошло крушение нефтеналивного танкера. Судно под панамским флагом с сомалийской командой принадлежало украинскому судовладельцу. По первым сообщениям, это одна из «плавающих помоек», бороздящих моря под флагами, не подпадающими ни под какой контроль. Эта экологическая катастрофа грозит рыбам, птицам, местной флоре. Правительство Маврикия грозит судебным иском в компетентные инстанции в связи с

преступным экоцидом...»

Рене слышит поворот ключа в замке, скрип двери. Входит Опал. Она тоже падает в низкое мягкое кресло напротив Рене и, совсем как он несколько минут назад, тяжело вздыхает.

– Ну, как твой первый рабочий день? – спрашивает ее Рене.

Опал скидывает туфли на высоком каблуке и массирует натертые пальцы ног. Потом она встает, наливает себе стакан воды, снова садится.

– Оказывается, Маркус – хронический меланхолик. Он все видит в черном свете. Из-за этого курит, как паровоз. Сильнее всего меня угнетают его приступы «зачемства».

– Это еще что такое?

– Это когда постоянно нудят: «Зачем это нужно?» «Зачем мыть руки? Зачем работать? Да и жить – зачем?»

– Забавно.

– В этом нет ничего забавного, уверяю тебя. Это психическое заболевание, называется «гебефрения». Он сам мне признался, что страдает этим недугом. Он характеризуется исчезновением всех желаний.

– Со мной тоже такое случается, но ненадолго. Съем пирожное, посмотрю хороший фильм – и все, прошло.

– А у него почти никогда не проходит. Самого себя он называет прохвостом.

– Кажется, это называется «синдром самозванца» – чувство несправедливости собственного успеха.

– Так или иначе, мне приходится постоянно его утешать. Он грозитя покончить с собой, вернее, как он сам говорит, избавить мир от своей вредной персоны. Хорош психотерапевт, а? В промежутке между двумя посетителями он меня спросил, не стыдно ли мне работать на субъекта, пользующегося слабостями людей, чтобы вытряхивать из них денежки.

Рене улыбается.

– Он трезво мыслит. По крайней мере, ему не чужды угрызения совести.

– Разуй глаза! Стоит пройти приступу гебефрении, как он мигом превращается в тирана. Иногда я даже его боюсь.

Опал встает и бредет в кухню, чтобы достать из холодильника все необходимое для сэндвича: колбасу, помидоры, сыр, корнишоны. Рене присоединяется к ней, достает тарелки, стаканы, приборы, делает сэндвич себе.

– Я реалистка, – говорит Опал. – Такая работа, не заставляющая сильно напрягаться и хорошо оплачиваемая, – большая редкость. Меня вот что беспокоит: открываю как-нибудь утром дверь его кабинета – а он висит под потолком на галстук. Довел до конца свое «зачемство».

Рене не успевает ее успокоить: в дверь баржи звонят. Он идет открывать. На пороге стоит мужчина в сером пальто и в круглой шляпе.

– Прошу прощения за опоздание, – с ходу произносит он. – Только сейчас смог вырваться.

– Мы никого не ждем. Вы кто?

– Я судебный исполнитель, – уверенно отвечает нежданный гость. – Моя задача – произвести оценку этой баржи и переписать ваше имущество. Хотел бы также узнать, имеется ли здесь мебель, которую можно выставить на продажу. Но сначала вопрос: у вас здесь напряжение 220 вольт или 12, как обычно бывает на плавсредствах?

Прежде чем Рене догадывается выставить его за дверь, судебный исполнитель просачивается в квартиру при плавучем театре. Выхватив из сумки планшет, он делает фотографии. На глазах у пораженных Рене и Опал он так же фотографирует баржу снаружи и, вежливо попрощавшись, уходит довольный.

Несколько минут Опал и Рене стоят как громом пораженные, потом молча ужинают, готовятся ко сну и ложатся.

В постели Рене пододвигается к Опал и гладит ее волосы. Но она опять отвергает его ласки.

– Подожди, – спокойно говорит она. – Не сегодня.

Она отворачивается и засыпает. Рене смотрит на электрические часы, на них 23:23 – время его ежевечерних погружений в прошлые жизни.

Мучаясь от приступа ностальгии, он уходит в туалет, запирается там и садится по-турецки на крышку унитаза, прямо под плакатом: «ТОЛЬКО ЗДЕСЬ ИСТИННЫЙ ПОКОЙ».

Он набирает в легкие побольше воздуха, как фридайвер перед нырянием, закрывает глаза, медленно дышит.

Рене мысленно спускается по винтовой лестнице, веду-

щей к двери его подсознания. Вставляет ключ в большой железный замок. Открывает дверь. Переступает через порог.

Вот он и в коридоре своих прошлых жизней.

У него ощущение, что он попал в старую гостиницу, где когда-то проводил отпуск.

Стены в коридоре белые, двери красные, на них позолоченные номера.

Так, теперь формулирую желание.

Хочу в ту мою прошлую жизнь, где найдется мудрец, который подскажет, как не допустить, чтобы в 2053 году разразилась третья мировая война.

Одна из дверей начинает светиться. На ней номер 27. Он встает перед этой дверью. Открывает ее. Входит.

Он стоит на бульваре.

Как только сознание осваивается с прежним телом, Рене рассматривает свои руки, чтобы ответить на три вопроса, без которых не понять, в какую инкарнацию он попал: какого цвета его кожа? Какого он пола? Сколько ему лет?

Похоже, это руки взрослого белого мужчины.

Теперь – ноги.

На нем сапоги, штаны, длинная кольчуга.

Поверх кольчуги грязная светлая накидка, на ней намалевано подобие креста. К опоясывающему его ремню прицеплены длинные ножны, он держит щит, на плечах плащ.

Подняв глаза, он убеждается, что на голове у него шлем с прорезью для глаз.

Рене ждет, пока вокруг персонажа, в которого он вселился, рассеется туман. Его сильно трясет.

Обстановка требует ответов на еще три вопроса: день или ночь? Внутри или снаружи? Один или в окружении других? Ответы не заставляют себя ждать.

Он понимает, что сидит на лошади, мчащейся галопом по серой каменистой земле в разгар дня, вместе с многочисленной толпой.

К нему возвращается слух, и он слышит собственное оглушительное дыхание, отдающееся внутри железного шлема. Снаружи раздаются более резкие звуки: крики, металлический звон, ржание его лошади, издали доносится гудение труб и рокот барабанов.

Воздух, который он втягивает через прорезь в шлеме, пропитан запахом пота – его собственного и скакуна. Он взъерошен во всех смыслах этого слова, в одно и то же время исполнен воодушевления и ужаса.

Боже, что творится?

– ГОСПОДИ, СПАСИ! – вопит некто в доспехах рядом с ним, высоко воздевая меч.

Он видит через прорезь в своем забрале тысячи всадников, одетых так же, как он. На их туниках тоже кресты, они тоже размахивают мечами и мчатся галопом.

Так, все это мои, то есть наши.

– ГОСПОДИ, СПАСИ! – кричат голоса вокруг него.

Неподалеку, на зубчатой стене, видны солдаты, одетые по-другому, в тюрбанах, поверх которых нахлобучены островерхие шлемы.

А это, должны быть, враги.

Всадники скачут к пролomu в крепостной стене. Все происходящее залито слепящим солнцем.

Он поправляет щит на левом предплечье, не выпуская поводьев; правой рукой он крепко держит рукоять меча, правый рукав слегка задран.

Я – конный рыцарь, участник штурма какого-то города.

Вот в какое тело угодил Рене Толедано, вот чьими глазами он видит, вот чьими ушами слышит, вот чьей кожей осязает; но о том, чтобы слиться с его личностью, пока что нет речи. Скорее, он за ней наблюдает, слушает ее, открывает для себя этого незнакомца, которым некогда был.

– Аааааа! – голосит кто-то совсем рядом.

Рене оглядывается и видит корчащегося в доспехах всадника, так невыносима его боль. Из его шлема вылетает пчела. Лошадь бедняги знай несется вперед. Рыцарь сдирает железный шлем и прижимает к глазу руку в перчатке.

Не иначе, пчела укусила его в голову!

Но сейчас Рене не до сочувствия, нужно смотреть вперед.

Передовые всадники сминают защищающих крепость пехотинцев, топчут их копытами своих лошадей. Обороняющиеся умело пробивают копьями железные латы лошадей. Всадники, свешиваясь с коней, орудуют мечами, как серпами, срубая головы пехотинцев, как колосья.

– ГОСПОДИ, СПАСИ! – дружно орут воины, в рядах которых находится Рене.

Крестоносцы?

Первая сотня, доскакавшая до стены, мешает тысячам других, скопившихся теперь вокруг них.

Рыцарю, в которого вселилось сознание Рене, тоже не удастся вступить в бой. Гарцуя на месте, он ждет, пока перед ним откроется путь и он врежется в массу неприятеля.

– Дайте проехать! Прочь! – кричит он.

Но другие увлечены атакой и не хотят посторониться.

– Мессирь, будьте же великодушны! – гневается он. – Пропустите тех, кто скакал за вами, дайте и им место в бою!

Но товарищи по оружию даже ухом не ведут.

Что до защитников крепости в островерхих шлемах, то те слишком заняты сдерживанием вражеского натиска, чтобы

отвлекаться на его гнев.

До чего трудно терпеть тем, кого обогнали в атаке и теперь не подпускают к неприятельским порядкам!

Он успокаивает своего коня, у которого идет ноздрями пена от нетерпения и который месит копытами пыль, потому что тоже огорчен позорным промедлением.

Кроме звучащих вокруг призывов к божьей помощи, Рене слышит хрип солдат, лишаящих друг друга жизни. Между ними завязываются свирепые дуэли.

Повсюду вокруг него злодействуют смерть и разрушение, царит хаос из зловония, пыли, сверкания клинков, потоков алой крови и душераздирающих воплей.

– ГОСПОДИ, ПОМОГИ! – голосит пехотинец у самого его стремени – и тут же получает стрелу прямиком в лоб.

Рене пронзает мысль:

Неужто такова Господня воля?

Рыцарь, в которого он вселился, по-прежнему лишен возможности нанести хотя бы один удар.

Порыв ветра сечет песком его забрало, через прорезь песок попадает внутрь шлема. У него щиплет глаза, он чихает. Чихать в шлеме неприятно. Сердце так колотится, что гудит не только грудная клетка, но и яремная вена, бурление крови докатывается до запястий.

Бездельничать так долго в разгар боя не годится. Рене высматривает местечко, где можно было бы отличиться, потеснить неприятеля. Он смещается вдоль стены и удаляется от

пролома, рядом с которым все сгрудились, мешая друг другу.

У подножия стены он видит дверцу, из нее появляется горстка защитников крепости. Устав ждать, он пришпоривает коня и скачет к ним.

– Господи, помоги! – повторяет Рене, вращая для пушей бодрости мечом. Богатырский взмах! Вес оружия придает удару силы. Его тяжелая рука разит без промаха. Он метит своим жертвам под подбородок.

Им овладевает первобытное возбуждение, удовольствие убивать.

Слыша собственный голос «Господи, помоги!», он убеждает себя, что в этих словах содержится рациональное объяснение его смертоносного безумия.

Раз такова воля Божья, то убивать всех этих людей, совершенно ему незнакомых, – не только благое, но и необходимое занятие. Все равно что прополка огорода. Вот с какими мыслями орудует мечом рыцарь:

Это варвары.

Это безбожники. Они не приняли Крещения, их души попадут в ад.

Он воспален от убийств, которые только что совершил, а еще от привилегии оставаться в живых, невзирая на все то, что с ним происходит с начала сражения.

Скольких врагов он сумел зарубить? По меньшей мере десятков. Даже его конь, кажется, гордится каждым смертоносным взмахом меча своего седока. Иногда он встает на дыбы,

разгоняя тех, кто пытается его окружить. Вражеские копыта ломаются при этом, как щепки.

Даже конь понимает, что происходит, и желает седоку победы.

Внезапно ему наносят удар в спину – на счастье, обезвреженный кольчугой. Он хочет оглянуться, увидеть, кто на него напал.

Рене думает:

Кто бы поднял проблему ограниченной видимости в рыцарском шлеме? Приходится крутить головой, и все равно мало что видишь – цель-то узенькая! Это побуждает сосредоточиться на фронтальном бое, о панорамном обзоре здесь не заикнешься.

Конь бьет задними копытами и отшвыривает докучливого копейщика. Другой противник, тоже с копьем, смекнул, что к чему, и, согнувшись, чтобы остаться вне зоны видимости, вонзает саблю коню в живот. Кишки вываливаются на землю, животное валится на бок.

Клянусь Богом, моя лошадка убита!

Всадник еле успевает отбросить стремяна, чтобы не оказаться раздавленным. При падении он больно ударяется плечом о камень и теряет шлем. Теперь его лицо открыто.

Дюжина людей в тюрбанах и шлемах торопится к нему с воинственными криками, означающими, видимо, то же самое, что «Господи, помоги!» у христиан.

Рене Толедано чувствует, что рыцарь, внутри которого

оказалась его душа, теперь сражается от отчаяния, чтобы как можно дороже продать свою шкуру.

Он вращает мечом, чтобы удерживать неприятеля на расстоянии, но кольцо вокруг него неуклонно сжимается.

Болят плечо, трясется рука, едкий пот, уже не удерживаемый ресницами, жжет глаза, он все сильнее задыхается, сердце вот-вот разорвется.

Вижу, эта реинкарнация произошла не в самый подходящий момент, думает Рене.

Его руку, сжимающую меч, рубят вражеские сабли, меч клонится все ниже, он моргает от страха и от пота, заливающего глаза.

Внезапно его загораживает чей-то щит, в который втыкается стрела арбалета. Чудо, что она не угодила ему в правый глаз и не пробила ему насквозь голову!

– Садись! – ревет рядом с ним чей-то голос.

Рыцарь в шлеме – узнать его нельзя, потому что он сидит в седле спиной к солнцу – протягивает ему руку. Он вскакивает на круп лошади позади своего спасителя.

Держа левой рукой щит, правой он продолжает наносить удары мечом. Человек в седле отбросил свой щит с торчащей из него стрелой арбалета и одной рукой держит поводья, другой тоже орудует мечом.

Как ни странно, рыцарь, в которого вселился Рене, уже не чувствует боли в плече. Можно подумать, что инстинкт выживания заставил мозг выработать вещества, необходимые

для продолжения боя, а удивительная мышечная оболочка перестала ощущать боль.

Лошадь с двумя всадниками похожа на трехголовое чудище с двумя длинными клинками, косящими любого, кто дерзнет приблизиться.

Два всадника с крестами на туниках убивают неприятельских пехотинцев одного за другим. У каждого из них они успевают найти уязвимое место между защитными щитками и рубануть туда мечом.

Белое солнце уже в зените. Жара стала невыносимой, рубаки утомились и хотят пить.

Удивительно, до чего нескончаемы сражения, думает Рене. В книгах и фильмах показывают только ключевые моменты. По ним невозможно представить, как это утомительно – сражаться долгими часами. Эта работа мясника требует сверхчеловеческих сил. К тому же я умираю от жажды. Я так истек потом в этих латах, что мне грозит полное обезвоживание.

Они медленно продвигаются по уже захваченному городу, но их лошадь ранена, она падает. Оба всадника превращаются в пехотинцев.

Рыцарь-спаситель поднимает забрало своего шлема, и Рене видит, наконец, лицо человека, которому его бывшее «я» обязано тем, что осталось в живых.

Это белокурый бородатый великан. У него длинные волосы и серые глаза. От жары и от перенапряжения глаза почти

вылезли из орбит, на висках набухли жилы.

Я еще не видел себя в зеркале, наверное, я выгляжу не лучше.

Бородач тяжело дышит, от него валит пар.

– Благодарю, что спасли меня, прервав полет стрелы, – говорит рыцарь, в которого вселился Рене.

– Ненавижу арбалеты, – следует ответ. – Это оружие трусов, убивающих на расстоянии, вместо того чтобы сойтись с неприятелем лицом к лицу. Вперед, освободим храм Гроба Господня!

Храм Гроба Господня? – думает Рене. – Так этот город – Иерусалим? Тогда понятно, почему на нас кресты. Мы и вправду крестоносцы...

Вокруг них еще не стих бой, но он, глубоко вдыхая, улавливает в раскаленном воздухе неожиданные ароматы. К запахам крови и дыма примешивается запах жасмина. Балконы беленых домов неподалеку, увенчанных круглыми крышами, увиты цветами.

Какая красота!

Он задыхается от нахлынувших чувств, но белокурый рыцарь уже увлекает его за собой. Вокруг кишат кошки, безразличные к людской суете. Некоторые, правда, лижут кровь лежащих на земле раненых и убитых.

Из-за угла выбегают трое вражеских пехотинцев.

Снова приходится драться.

Правое плечо рыцаря, в которого вселился Рене, еще по-

баливает, поэтому он перекладывает свой меч в левую руку. Эта рука не такая сильная, но так ему легче. Он дышит все глубже, с хрипом.

Вдвоем они избавляются от троих воинов и бегут дальше. *Вот ведь утомительное занятие – убивать!* – говорит себе Рене.

Теперь перед ними не солдаты в тюрбанах и в островерхих шлемах, а простые горожане, издающие при виде их крики ужаса, как при появлении кровожадных волков.

Эти-то почему так нас пугаются?

Человек, в которого вселилась душа Рене, продвигается по городу, тяжело дыша. Его гонит вперед запах собственного пота. Под кольчугой он весь взмок.

Перед ними то и дело возникают враги, свои, простые жители. Все что-то отрывисто кричат друг другу, потому что ни у кого нет времени выговаривать слова целиком, тем более строить понятные фразы. Всюду царит хаос.

Белокурый спаситель, похоже, знает, куда идти, чтобы достигнуть храма Гроба Господня.

Они быстро шагают по узким улицам Иерусалима. Бой как будто стих, но крестоносцы все еще рубят безоружных людей, слышны крики женщин, горят лавки, крестоносцы тащат всевозможное добро, явно награбленное: ковры, керамику, медные подносы с чеканкой, одежду, обувь, ткани.

Рене не шокирован, но все же огорчен поведением этого войска, в рядах которого дерется.

Нет на это Божьей воли. Или это не Бог любви.

Над ними кружат черные птицы, подбадривая их своим карканьем. Сражение привлекает мух и воронье. Рене слышит гудение.

На любой беде кто-то да пирует.

На пересечении двух улочек оба рыцаря видят кучку крестоносцев, баррикадирующих снаружи дверь молельни. Изнутри в дверь отчаянно стучат. Крестоносцы поливают стены вонючей черной жижей. Рене узнает запах: это горячая смола.

– Эй, мессеры! Что вы делаете?

– Это евреи! Сейчас мы зажарим их прямо в их синагоге! Лучшего они не заслуживают! – отвечает воин, командуемый остальными – рыжебородый, с завязанным глазом.

– Мы – рыцари, наш кодекс чести запрещает убивать безоружных! – грохочет белокурый бородач.

– Я – барон Урсулен де Гравлен. Куда вы лезете?

– Мы не можем пройти мимо, мессир Урсулен.

– У этих людей рыльце в пушку, это же евреи, на них кровь Христа, они должны поплатиться за то преступление.

– С тех пор прошло более тысячи лет.

– Не важно, они потомки тех, кто погубил нашего Господа.

Рыцарь, в которого вселился Рене, должен сказать свое слово.

– Кажется, вы запомнили, мессир, что Христос сам был

евреем...

– Откуда ты взял эти бредни?

– Из Библии. Он родился в Вифлееме, неподалеку отсюда. Его мать звали Мириам, отца Иосиф, они были евреи. Иисус был обрезанным, молился по-древнееврейски в синагоге. Окажись Он здесь сейчас, Он, вероятно, был бы среди этих людей, которых вы вознамерились сжечь. Вы бы стали Его убийцами.

– Будь я проклят! Ты называешь меня убийцей Христа? За это оскорбление ты заплатишь жизнью, жалкий клеветник! – вопит человек с завязанным глазом.

Он приближается, и в этот самый момент рыцарь, в которого вселился Рене, улавливает аромат розового благовония.

Урсулен де Гравлен душит, чтобы пахнуть розой?

Рыцарь-Рене не намерен шутить на эту тему, чтобы не злить противника еще больше, но тот слишком враждебно смотрит на него своим единственным глазом.

– Защищайся, висельник! – вопит Урсулен де Гравлен.

Следует сильный удар мечом, который рыцарь едва успевает отбить.

Два рыцаря рубятся с одноглазым и с его приспешниками так же яростно, как раньше рубились с людьми в тюрбанах и в островерхих шлемах. Рыцарь, в которого вселился Рене, успешно обороняется и выбивает из руки Урсулена меч.

Тот в потрясении ползает на четвереньках, тянется к своему оружию, но рыцарь уже наступил на меч. Приспешни-

ки одноглазого, видя, что тот повержен, решают прекратить бой.

Обезоруженный Урсулен де Гравлен отступает, но пышет гневом.

– Вы, крестоносцы, вступаетесь за евреев? Позор! Изменники! Вы поплатитесь за свое вероломство!

Но пока что он предпочитает ретироваться.

Двое рыцарей убирают бревно, перегораживавшее дверь, и выпускают евреев, сидевших взаперти в своем молитвенном доме.

Выходят человек сто, большинство, судя по одежде, – ремесленники и крестьяне. Один, похоже, кузнец, один, весь в древнееврейских письменах, – раввин. Из двери видны звезды Давида на перемычке высокого окна с цветными витражами и подсвечник с семью ветвями, стоящий на возвышении перед скамьями.

Рыцарь впервые видит синагогу и находит в ней большое сходство с церковью.

Молодая женщина, спасенная от расправы, подходит к нему и смотрит ему прямо в глаза. Ее длинные черные волосы сильно вьются. Изысканные одеяния и драгоценности указывают на ее принадлежность к аристократии города. Не сводя с него черных миндалевидных глаз, она произносит:

– Мерси.

Она говорит по-французски.

Она подошла к рыцарю так близко, что он чувствует ис-

ходящий от нее аромат флердоранжа. Привстав на цыпочки, она целует его в лоб и убегает.

После пережитой только что вспышки насилия он столбенеет от нежного прикосновения губ незнакомки.

Белокурый сероглазый крестоносец, видя, как он потрясен этим поцелуем, хлопает его по спине, а потом ведет к фонтану. Там они утоляют жажду и споласкиваются, прежде чем продолжить путь к храму Гроба Господня. Каждый глоток воды – райское наслаждение. Кстати, у Рене появляется, наконец, шанс увидеть свое отражение. У него треугольное лицо с подстриженной острой бородкой, голубые глаза, на щеке – старый шрам в форме буквы Y.

Спаситель протягивает ему руку.

– Меня зовут Гаспар, Гаспар Юмель. А как твое имя, благородный рыцарь?

– Сальвен, Сальвен де Бьенн.

Рене резко распахивает глаза.

Боже, это был я.

От изумления он возвращается в XXI век и едва не падает с унитаза, на который взгромоздился.

Он приходит в себя и испытывает смесь любопытства и сильного волнения.

Выходит, он и вправду присутствовал при взятии Иерусалима 15 июля 1099 года!

Он усиленно размышляет.

Раз так... если Сальвен был реальным лицом... и если дей-

ствительно участвовал в этом решающем сражении, то, возможно, он и написал в ту эпоху «Пророчество о пчелах». Вот и объяснение упоминания Патриком Клотцем тайны, связанной с этой книгой.

Он делал вид, что пишет пародию, а на самом деле и вправду мог раскопать пророческий кодекс Средневековья!

А значит, древнее воплощение Рене располагало в некий момент бесценными сведениями о будущем, которыми пока что не обладает он, современный человек.

Возможно ли, чтобы этот Сальвен, живший в далеком прошлом, мог остановить мировую войну, которой суждено разразиться в далеком будущем?

Рене меряет гостиную все более нервными шагами.

Но я не нашел ничего такого в его мозгу. Выходит, он еще об этом не знает. Пока что он – всего лишь один из крестоносцев.

Рене глубоко вздыхает, чтобы прояснить свои мысли и понять происходящее. Картины невероятной битвы, пережитой ее участником, запечатлелись в его сознании, как эпизоды сна, соперничающего с самой что ни на есть вопиющей реальностью.

Он видит себя в разные критические моменты. Падение. Вонзившаяся в щит стрела арбалета. Двое верхом на коне. Стычка с одноглазым бароном.

Он – рыцарь, защитивший евреев от своих собратьев, христиан-крестоносцев.

18. Мнемы. Яхвисты

Проведенные в 1995 г. археологические раскопки показали, что в горах Сеир (между Мертвым и Красным морями) жил более четырех с половиной тысяч лет назад народ, одним из первых начавший делать предметы из металла.

Главная трудность с получением этого металла (чаще всего – бронзы) состояла в том, чтобы делать печи, в которых можно было бы получить достаточную для расплавления породы температуру.

Описываемый народ решил проблему при помощи конкретной технологии – нагнетания воздуха к углям. Так были изобретены кузнечные горны, состоявшие из емкости для углей и из больших мехов.

В отличие от растениеводства и скотоводства, представляющих собой всего лишь сбор в одном месте природных элементов, открытие металлургии наделило человека силой творца. Благодаря горну он мог изготавливать совершенно новый материал, не существовавший в природе.

Вследствие своего изобретения этот народ стал боготворить само понятие дыхания и нарек этого Бога-дыхание именем, происходившим от издаваемого кузнечными мехами звука, – «Яхве».

Древнейший документ, раскрывающий существование народа, поклонявшегося Богу-дыханию Яхве, – это египетская надпись, датируемая 2100-ми гг. до нашей эры. В ней упомянут город «Рушалим, в земле Ханаан, где живут поклоняющиеся Яхве».

Впоследствии в архивах фараона Эхнатона нашли упоминание яростного сопротивления этого народа кузнецов-монотеистов в городе Рушалим (впоследствии именовавшемся «Иерусалим», на иврите «Иерусалаим»), оказанного во время кампании по вторжению в Ханаан его отца, фараона Аменхотепа III.

В отличие от своего отца, фараон Эхнатон не проявлял враждебности к этому странному народу верующих в Бога, подобному дуновению. Вместо того чтобы пойти на него войной и снова завоевать, Эхнатон пригласил его в свою новую столицу Ахетатон – только что построенную и малонаселенную.

– Я тебе не верю!

Александр Ланжевен выслушивает рассказ Рене Толедано с недоверием, переходящим в восхищение. Он молча смотрит на него, потом громко хохочет.

– Вот это да! Давненько я не слышал ничего столь же...
Смехотворного?

– ... поразительного! Так ты говоришь, что оказался в Иерусалиме 1099 года благодаря своей технике регрессивного самогипноза?

Перед ними остывает обед.

– Благодаря практике этого умственного упражнения я неплохо натренировался. Это как ныряние под воду, только вместо спуска в жидкую бездну ты преодолеваешь слои своего собственного серого вещества и открываешь дверь своего бессознательного. Или, если прибегнуть к компьютерной метафоре, это сродни поиску в корневой памяти. Там скапливается кэш-память, доступ к которой обеспечивает специальная программа.

Они наконец принимаются за свой желтый кускус с мергезом – жалким кусочком белой курятины, с двумя переваренными морковками, с противными ломтиками кабачка и с пакетиком острой приправы – так выглядит блюдо, выдаваемое за праздничное.

– А твоя программа глубоководного погружения – это и есть регрессивный гипноз?

– Может, есть и другие: шаманский бубен, танец кружащихся дервишей, традиционный перуанский напиток из лианы «аяуаска», галлюциногенные грибы, ЛСД, еще какие-нибудь наркотики... Что мне нравится в регрессивном гипнозе – это отсутствие «отходняка», приступа шизофрении или паранойи. Тебя не рвет, ты ничего не платишь. Перемещение мгновенное, его можно совершить где угодно (главное – спокойствие), риск привыкания отсутствует. Из этого состояния можно моментально выйти, оно никак не влияет на память, разве что поддерживает ее.

Александр недоверчиво кривится.

– Говоришь, это доступно любому?

– Все как всегда: дело движется, когда у тебя есть желание. Занимаясь этим со зрителями, я убедился, что посещать прежние жизни получается только у половины из их числа. У другой половины не получается от страха. Люди задают себе слишком много вопросов, боятся, что у них ничего не выйдет, а все дело в недостаточном расслаблении.

– А ты?

– Я принимаю этот странный опыт. Я кидаюсь в воду, и происходит то, что должно произойти. Я просто внимателен к деталям и к своим ощущениям в прошлой жизни.

Александр все еще полон сомнений. Рене ищет другие аргументы.

– Это отчасти сродни пари Паскаля. Паскаль предлагает пари, что Бог существует, потому что считает, что с этой уверенностью проще жить. Я предлагаю пари, что у нас были прошлые жизни. Никто никогда не будет твердо уверен, что это существует или не существует. На мой взгляд, те, кто говорит о своей уверенности в прошлых жизнях, так же глупы, как те, кто говорит наоборот. Лучше признать, что ничего не знаешь. Никто ничего не знает.

– Зачем тогда ты этим занимаешься?

– Это позволяет мне... шире взирать на жизнь.

Александр пожимает плечами, лакомясь мергезом.

– У каждого свои причуды.

Рене не оставляет попыток его переубедить.

– Знаете, когда вы попадаете в прошлую жизнь, то первое ваше доминирующее ощущение – чесотка, по той простой причине, что в былые времена не заморачивались гигиеной. Второе ощущение – это очень часто голод, потому что в былые времена у людей было мало возможностей досыта наесться. Я пережил периоды голода и могу вас уверить, что теперь умею провести различие между понятиями «аппетит» и «голод». Когда вы голодны, вы готовы есть даже землю! Если бы не мой регрессивный гипноз, то я бы не сумел познать это так остро, всеми органами чувств.

Говоря это, Рене цепляет вилкой кусочек курятины, отправляет его в рот и с наслаждением, жмурясь, жует.

Александр забавы ради, желая его передразнить, так же

жмурится и смакует кружок кабачка.

– То есть ты утверждаешь, что вчера вечером смотался в Иерусалим 1099 года, как раз в момент его штурма крестоносцами? Как тебе тамошняя погода? Как обстановочка?

Рене сознательно игнорирует сарказм и отвечает совершенно серьезно:

– Я очутился в седле, мой конь несся вскачь в разгар наступления.

– В чем разница между сеансом регрессивного гипноза и простыми грезами? Вдруг твоему подсознанию приспичило внушить тебе, что ты там был, и навеяло тебе такой сон?

Он не ошибается. У меня нет никаких доказательств, что это не простой сон, но если я это признаю, то на этом наш разговор кончится.

– Разница – в связности подробностей. Их не счесть.

Александр хранит молчание. Они завершают трапезу.

К ним присоединяются Бруно и Мелисса, на их подносах такие же тарелки с кускусом.

– О чем беседуете? – интересуется Мелисса.

– Рене объясняет, как он пользуется регрессивным гипнозом для возвращения в свои прежние жизни и для наблюдения за тем, что тогда происходило на самом деле, – отвечает Александр совершенно бесстрастным тоном, как будто произносит обыкновенную банальность.

Бруно, уже собравшийся отправить в рот крупу, раздражается смехом и случайно брызгает желтой жеваной пищей в

лицо Рене, сидящему напротив.

– Извините, – говорит он, протягивая пострадавшему салфетку. – Какой, говорите, гипноз?

– Регрессивный, – бормочет Рене, вытирая лицо.

– Объясни им, Рене.

Только спокойствие!

– В общем, так... Как бы это сказать? Утром, только проснувшись, вы неплохо помните ваш последний сон? Если вы его запишете, то он останется у вас в памяти, иначе вы его забудете. Вот и здесь примерно то же самое. Разница в том, что память не о сне, а о вашей прежней жизни.

– Для меня это антинаучно, более того, вы уж не обессудьте... это чушь какая-то!

Говорит прямо как адвокат Веспы Рошфуко!

– А твое мнение, Мелисса? – спрашивает Александр.

Молодая черноглазая женщина внимательно смотрит на отца.

– Такое же, как у Бруно. Ни секунды в это не верю. И вообще, по-моему, после смерти ничего нет. Как и до рождения.

Бруно, ободренный ее поддержкой, заключает:

– Такова грустная реальность: мы рождаемся благодаря слиянию сперматозоида и яйцеклетки и завершаем жизнь кучей разложившегося мяса, пожираемого червями. Понятно, что изобретаются всякие увертки, чтобы не признавать эту болезненную истину.

Бруно удовлетворен собственным нехитрым и ясным объяснением и наливает себе в честь своей победы в дебатах полный бокал вина.

Дальше обед протекает в молчании. Пара, пришедшая последней, уходит первой – торопится на дневные занятия. Александр, помявшись, говорит:

– Вообще-то я не до конца уверен, что это, как выразился Бруно, просто чушь. Я не прочь попробовать.

– Что заставило вас передумать?

Александр размышляет, прежде чем ответить:

– Знаешь, на твой взгляд я, наверное, успешный человек, но лично мне кое-чего недостает. Я президент престижного университета, считаюсь хорошим специалистом по Средневековью, но мне всегда хотелось написать что-нибудь эпохальное. Моя тайная мечта – стать Жюлем Мишле¹⁰ ХХI века. Но для этого надо найти оригинальную информацию из первых рук. Пока что все уже сказано в опубликованных книгах и диссертациях. Вдруг благодаря твоей технике визуализации я доберусь до новых источников? Даже если у меня есть один шанс из тысячи, я хочу поэкспериментировать.

В том, что он передумал, сыграло роль и враждебное отношение Бруно...

– Когда?

– Зачем ждать? Хоть сегодня вечером, если ты не против. Дорогой Рене, я приглашаю тебя к себе на ужин. Попробуем

---

¹⁰ Жюль Мишле – французский историк и публицист.

твою технику! Выкроишь для меня время? Прямо здесь, в университете, в восточном крыле, у меня служебная квартира.

– В таком случае я должен предупредить мою партнершу, Опал, что я не буду с ней ужинать и что могу вернуться поздно.

На улице темно.

Рене жмет на кнопку звонка и слышит звук колокольчика.

Александр тепло его принимает. На нем шелковый халат, на шее неизменный шелковый платок.

У президента университета огромная служебная квартира, служащая продолжением его кабинета. Александр показывает гостю особую комнату со столиками на козлах. На каждом воспроизведена в уменьшенном масштабе, в исполнении оловянных солдатиков, какая-нибудь прославленная в истории битва.

Стремясь к точности, он вылепил из гипса холмы и покрыл их зеленым мхом, изображающим траву, утыкал пластмассовыми деревцами. Для каждой сцены он использовал сотни солдатиков.

– Перед тобой истоки моей страсти к истории. Начинал я с электропоездов, потом перешел к оловянным солдатикам...

– Узнаю Азенкур!¹¹

Рене разглядывает крохотных вояк. Каждый тщательно разрисован от руки, на лице у каждого глазки и ротик.

– Какая красота! – восклицает Рене.

---

¹¹ В битве при Азенкуре 25 октября 1415 года, во время Столетней войны, английские войска Генриха V разгромили большее по численности французское войско под командованием Карла I д'Альбре.

Александр, довольный, что произвел впечатление на гостя, ведет его к следующей батальной сцене.

– Здесь то, что должно заинтересовать тебя сильнее всего.

Рене узнает рыцарей-крестоносцев и их противников – одетых по-восточному солдатиков в островерхих шлемах.

– Штурм Иерусалима в 1099 году?

Александр протягивает гостю лупу для лучшего изучения всех деталей макета. Он превращается в мальчишку, радостно хвастающегося своими игрушками.

– Мне было интересно взглянуть на картину сверху, так, как ее видит... сам Бог.

Рене наклоняется над макетом. Ему вспоминается боевой клич «Господи, спаси!».

Если Бог желал этого, если с удовольствием наблюдал, как верящие в Него множат Его славу, то наверняка взирал на происходящее с этого же угла.

– Вы воспроизвели даже спешно сложенные крестоносцами бревенчатые башни! Вот эта, по-моему, башня Годфруа Бульонского, а эта – Раймона IV, графа Тулузского. В этом рву граф засел, уступив честь победы Годфруа.

– Они самые. Какое удовольствие беседовать с экспертом!

Вот только с места, где я находился, этого не было видно. Зато он не воспроизвел ни катапульт, ни пролома в стене.

– На какие источники вы опирались, работая над этой реконструкцией Иерусалима?

– На планы города того времени. Сам-то ты что видел, вернее, думаешь, что видел?

– Насколько я помню, наши войска, я хочу сказать, крестоносцы-франки, сумели проломить стену вот в этой точке. Еще я нашел дверцу, через которую проник вот на эту улицу...

Он тычет пальцем в разные места макета.

Александр берет фломастер и рисует треугольник – дверцу – в указанном Рене месте.

– По-моему, здесь, в Верхнем городе, находилась синагога, из которой я вывел невооруженных евреев.

– Идем ко мне в кабинет, мне не терпится начать эксперимент. Думаю, сперва это, ужин потом. Лучше на пустой желудок, налегке, с ясной головой.

– Вообще-то да, – соглашается Рене. – Перед подобными медитациями лучше воздерживаться от спиртного и от мяса.

Они устраиваются в комнате, полной доспехов в человеческий рост, мечей, щитов, секир, копий, палиц. Это здесь Рене дрался с Александром на дуэли и победой добился места лектора.

Александр вытягивается на диване с медными подлокотниками.

– Здесь нормально?

– Главное – удобство, чтобы вас не отвлекали никакие неприятные ощущения.

Александр сжимает и разжимает пальцы.

– Расслабьтесь, – советует ему Рене. – Снимите обувь. Расстегните ремень. Часы тоже снимите.

Александр повинуется. Он расстегивает верхнюю пуговицу на брюках, чтобы не было давления на живот.

– Закройте глаза. Приготовьтесь пережить нечто очень приятное – опыт посещения одной из ваших прежних жизней. Готовы?

– Да.

Повелительно, твердо, но при этом вкрадчиво, он предлагает Александру расслабиться, представить винтовую лестницу с пятью ступеньками, подойти к двери своего подсознания, взять ключ, отпереть дверь, переступить порог. За дверью тянется коридор с пронумерованными дверями в прошлые жизни.

– Я уже там.

– Хорошо. Сейчас вам нужно сформулировать желание, относящееся к прошлой жизни, которую вы хотите посетить сегодня. Обратите внимание, вам можно попроситься только в позитивную жизнь. Например, в ту, где вы пережили величайшую историю любви, в ту, где вам была дарована величайшая мудрость, в ту, где вы делали больше всего добра другим. Вам нет хода в жизнь, где вы испытывали лишения, где умирали в муках, где пережили травмирующий опыт. замысел состоит в том, чтобы нанести недолгий туристический визит в приятную жизнь. Вы согласны? Так каково ваше желание?

– Хочу побывать в той жизни, где я познакомился с тобой, Рене.

Гипнотизер удивлен, но продолжает, не вставая с места:

– Попросите, чтобы осветилась дверь, которая приведет вас в ту жизнь, где... где мы с вами уже были знакомы в прошлом.

Немного погодя Александр докладывает:

– Вижу мерцающую дверь.

– Какой на ней номер?

– Пятнадцать.

– Встаньте перед дверью номер пятнадцать. Вы вставите ключ в скважину и повернете. Дальше – как с дверью в подсознание: если дверь не откроется, вы не будете напирать на нее плечом, а вернетесь назад и подниметесь по винтовой лестнице. Значит, сейчас неподходящий момент.

Проходит несколько секунд.

– Дверь открылась.

– Раз так, войдите. Переступив порог, вы очутитесь в тумане. Первым делом закройте за собой дверь.

– Готово.

– Вы в тумане?

– Да.

– Вот вы и в теле вашего старого воплощения, вашей пятнадцатой жизни. Вы готовы узнать, кем тогда были?

– Да.

Рене знает, что на каждом этапе надо ждать подтвержде-

ния и только потом делать следующий шаг.

– Представьте, что прошлый вы поднимаете перед собой руки.

– Я вижу свои руки.

– Зафиксируйте три параметра зрительной информации.

1) цвет кожи, 2) пол, 3) возможный возраст.

Александр морщит лоб – хочет все проверить, прежде чем отвечать.

– Белый, мужчина, взрослый.

– Хорошо. Приглядитесь к своим рукам. Что вы видите?

– Руки немытые, под ногтями грязь.

– Кольца?

– Толстый перстень с печаткой.

– Волосы?

– Редкие, жесткие, светлые, курчавые.

– Так, теперь посмотрите на ноги. Что вы видите?

– Кожаные сапоги, на пятках шпоры.

– Смотрим выше, что там?

– Штаны, белая накидка поверх металлической кольчуги.

Широкий ремень, на нем ножны почти до земли.

– Что еще?

– Щит. Бежевый плащ. Может, раньше он был белым, но сильно испачкался. Крест. Железный шлем. В нем жарко, в шлеме слышно мое дыхание, я потею. У меня светлая колючая борода.

– Так, теперь разгоните туман вокруг себя и приглядитесь.

Вам нужно ответить еще на три вопроса: 1) день сейчас или ночь? 2) где вы находитесь, внутри или снаружи? 3) вы одни или вокруг вас другие люди?

Немного помедлив, Александр отвечает, отчетливо выговаривая каждый звук:

– 1) сейчас день, 2) я нахожусь под открытым небом, 3) окружен массой людей. Я сажу в седле, держу левой рукой щит, правой – меч. Вокруг меня клубы пыли.

– Что вы слышите?

– Слышу, как дышит моя лошадь. Издали доносятся крики. Орут сотни глоток, слышны даже вопли.

– Хорошо. Благодаря вашей способности к визуализации вы очутились в другой эпохе, в другом пространстве. А теперь расскажите мне, что там у вас творится.

У Александра под веками ходят туда-сюда глазные яблоки, руки подрагивают.

Он там.

– Невероятно!.. Я скачу галопом на лошади, мы с ней закованы в латы. Все очень тяжелое, а тут еще жара... Я сжимаю в мокрой ладони рукоять меча и боюсь его выронить из-за льющегося пота. Все отчетливее слышу собственное дыхание, отдающееся внутри шлема. Вижу вокруг тысячи других всадников в таких же доспехах, на всех намалеваны кресты. Вижу флаги с Богородицей и с Иисусом Христом. Где-то бьет барабан – это наступает наша пехота. Когда рокот ускоряется, в такт ему ускоряется и мое сердцебиение. Мне не

терпится поскорее оказаться там, где кипит бой с турками. Знаю, их надо опасаться, они хорошие бойцы, глупо их недооценивать. Знаю, что рискую погибнуть уже через несколько секунд, но уже смирился с этим риском и вверил свою участь Богу. И потому подхватываю боевой клич «Господи, спаси!». Надеюсь, Богу угодна гибель тех, с кем мы деремся, а не наша. Всадники вокруг меня дружно несутся вперед, я тоже. Наша цель – пролом в стене, где сгрудились воины обеих сторон. Но всадники образуют затор. Все мы друг другу мешаем. Я жду, пока суетолока рассосется, и вдруг вижу, как один из всадников отклоняется влево. Думаю, он собрался поискать другой проход. Мне это кажется хорошей идеей, и я следую за ним. Он напарывается на кучку пехотинцев и навязывает им бой. Он доблестно дерется, но под ним погибает лошадь. Рыцарь падает на землю, его окружают турки. Я спешу ему на выручку. Мое внимание привлекает нечто среди зубцов на гребне стены. Я различаю арбалетчика, выпускающего стрелу, и успеваю загородить лицо упавшего своим щитом. Стрела вонзается в щит и остается торчать в нем.

Боже! Это был он!

Рене позволяет Александру дальше делиться своим опытом штурма Иерусалима. Он тоже помнит возбуждение боя, что-то такое, чего не поймет тот, кто этого не пережил.

Александр лежит с закрытыми глазами и увлеченно ведет рассказ.

– Мы скачем вдвоем на моем коне и рубим тех, кто под-

бирается к нам с обеих сторон...

Слушая подробный рассказ Александра о приключениях и об обуревавших его тогда чувствах, Рене отрывочно вспоминает пережитое накануне им самим.

Проведя полчаса в шкуре крестоносца, Александр блещит от пота, задыхается, весь трясется.

– Пришло время возвращаться, – предупреждает Рене.

– Нет, дай мне побыть там еще немного! – просит президент Сорбонны и продолжает описывать то, что видит: – Холодная вода фонтана, брызжащая мне в лицо, – как чудесно! Судя по отражению в воде, я совершенно обессилел, но мне хорошо! Меня сотрясают конвульсии удовольствия. Наконец-то мы освободили Святые Места! Мне так хочется закатить в таверне пир!

Александр, лежа с закрытыми глазами, улыбается, посмеивается, глаза не переставая движутся под веками, пальцы скрючиваются и разгибаются.

Он переживает радостный момент. Жаль, что я не пробыл там дольше.

Александр подергивается, все активнее двигается.

Он пляшет на празднике в честь победы!

Наконец он замирает.

– Все? Вы готовы вернуться?

– Еще нет...

Рене ждет еще минут десять.

– Ну теперь точно пора.

– Еще нет!

– Пора, больше нельзя медлить.

– Нет, прошу тебя, дай насладиться чудесными мгновениями! Обожаю этот город, этих людей, эту эпоху!

Так проходит еще четверть часа, и Рене, потеряв терпение, решает прервать сеанс.

– Александр, надо вернуться!

– Нет.

– Надо, это приказ. Потом повторите, если захотите.

Президент смиряется и разочарованно вздыхает.

– Хорошо. – Рене облегченно переводит дух. – Сейчас у вас за спиной появится дверь с номером 15. Откройте ее. Но прежде чем покинуть это пространство, выберите там какой-нибудь предмет, сувенир, который позволит определить, что находится за этой дверью. Что вам хочется прихватить с собой?

– Ясное дело, мой меч.

– Прекрасно. Положите ваш меч перед входной дверью, потом закройте дверь на ключ, пройдите по коридору до двери подсознания. Откройте ее, переступите через порог, закройте и эту дверь на ключ. Перед вами винтовая лестница, ведущая в наше настоящее, в вашу жизнь Александра Ланжевена. Поставьте ногу на пятую ступеньку... на четвертую... на третью. Можете шевелить пальцами рук и ног. На вторую... Ваши руки и ноги могут начать двигаться. Первая ступенька... и... вот и все! Можете открыть глаза.

Александр блаженно улыбается.

– ЭТО БЫЛО СКА-ЗО-ЧНО!

Его взгляд еще не сфокусирован. Он садится на диване, берет руку Рене, сидящего перед ним на стуле, и стискивает ее.

– Спасибо. Это какая-то фантастика! Никогда еще не получал таких сильных впечатлений. Это самый потрясающий опыт, какой я приобрел за всю жизнь, с самого рождения! Спасибо, спасибо, спасибо!!!

Он привлекает Рене к себе и заключает его в горячие объятия.

– Подумать только, ведь я мог бы прожить жизнь, так и не узнав, что такое бывает! Теперь я понимаю, почему меня так привлекали Средние века! Я сам был рыцарем! Это же был я! Господи, я! Какое имя я носил? Гаспар... Юмель!

Пора немного его успокоить.

– Где-то – не помню, где – я прочел такую фразу: «Души любят гулять, когда им предоставляют эту возможность». Вы всего лишь отпустили свою душу на прогулку, это был пространственно-временной туризм.

– Прогулка? Я вырвался из здешнего узилища! Я теперешний обернулся молодым рыцарем, да еще в разгар решающей битвы в истории!

Таких людей я и называю «хорошими клиентами». До чего меня радует его энтузиазм!

Александр вытирает потный лоб.

– Ослепительное озарение! Я вспомнил, кем был больше девятист лет назад!.. А все ты, Рене!.. Раз мне захотелось с тобой повстречаться, значит, рыцарем Сальвенном де Бьенном был ты.

Он тяжело дышит, закрывает глаза, чтобы перед ним снова предстали недавние сладостные картины.

– Во всяком случае, вы видели примерно то же самое, что и я, – соглашается Рене.

– Гаспар Юмель... Поскорее проверим, есть ли в интернете упоминания этого имени.

Александр хватает свой ноутбук, вводит это имя в поисковик – и ничего не находит.

– Я тоже не значусь на сайтах с именами рыцарей, прославившихся при штурме Иерусалима в 1099 году, – горюет Рене. – Но не забывайте, что в том штурме участвовали тысяча четыреста рыцарей.

– Это имя давало некоторую надежду. Но ты прав, это было излишнее самомнение. Меня прежнего забыли, как и большинство моих современников.

– Раз о нас не написал ни один историк, значит, мы обречены на забвение. Наши дети, если они у нас будут, запомнят нас, внуки тоже, а может, и правнуки, но это все. А потом все сведется к словам: «Похоже, один из моих предков был таким-то и таким-то...» Следующее поколение уже забывает наши имена и род деятельности.

Но глаза Александра еще горят огнем надежды.

Можно подумать, что он принял что-то галлюциногенное и продолжает витать в облаках. На поверхность вывалилось из глубинных залежей трепетное воспоминание.

Александр проверяет в интернете мельчайшие подробности, перепрыгивает с одного исторического сайта на другой, пробегает тексты специалистов именно по этому сражению.

– Помните, как я спросил вас два дня назад, знакомы ли вы с Сальвеном де Бьенном?

– А как же! Когда ты о нем заговорил, ты еще сомневался, существовал ли он.

Александр не сводит глаз с экрана компьютера, по которому бежит информация о рыцарях-крестоносцах, ворвавшихся в Иерусалим.

– Я не все вам сказал на эту тему.

– Твой Сальвен написал в 1121 году пророчества, ты об этом?

– Да, только я вам не рассказал, как узнал о Сальвене и его пророчествах.

– Ты сказал, что тебе поведал о нем знакомый, профессор истории на пенсии.

– Я не раскрыл, кто такой этот знакомый на самом деле и почему он заговорил со мной о Сальвене.

Была не была, сейчас я все ему выложу.

Выделяя каждое слово, Рене чеканит:

– Эта книга содержит способ не дать разразиться в 2053 году третьей мировой войне.

– Третья мировая? В 2053-м? Интересно... – тянет Александр тоном человека, думающего совсем о другом.

– Эта война будет каким-то образом связана с исчезновением пчел. Отсюда и название книги – «Пророчество о пчелах».

– Занятно...

Ему все равно. Он думает только о себе, о своем прежнем «я».

Рене смотрит на свои часы.

– Жаль, но мне пора идти. Надо быть в форме, завтра у меня лекция.

Александр даже на него не смотрит, он сейчас слишком увлечен сайтами о Крестовых походах.

– Брось, оставайся ужинать, – бормочет он, но это дань вежливости. – Я разогрею тебе замороженное блюдо. Выпьем по бокалу хорошего бургундского.

– Я не голоден. До свидания, Александр.

Рене надевает куртку, выходит из кабинета, закрывает за собой дверь и в задумчивости шагает по длинным университетским коридорам.

Подойдя к барже, он видит, что там не горит свет.

Опал нет дома?

Он звонит ей на мобильный, но она не отвечает.

Отказавшись от попыток с ней связаться, он пытается заснуть, но мешает беспокойство, что в его жизни мужчины XXI века не все в порядке.

Решение моих теперешних проблем коренится в прошлом. Там же находится и решение моих будущих проблем. И не только моих...

21. Мнемы. Иосиф и фараон

Иосиф, сын Иакова, был евреем. У него было одиннадцать братьев, но отец любил Иосифа больше остальных. Братья из ревности продали его работорговцу, угнавшему его на запад, в Египет.

Там Иосиф поступил на службу к фараону и стал его военачальником.

Иосиф был отменным администратором, благодаря его усилиям дела его господина пошли гораздо лучше. Жена Потифара попыталась соблазнить Иосифа, но он ее отверг. Оскорбленная, она обвинила его в попытке надругательства. Иосифа бросили в темницу.

В заключении у него открылся талант толкователя снов. Весть об этом достигла дворца. Фараон вызвал его к себе и рассказал о своем тревожном сне, значение которого хотел бы узнать. В этом сне было семь жирных и семь тощих коров. Иосиф объяснил, что это семь урожайных лет, за которыми последуют семь лет голода. Поэтому он посоветовал фараону запасать зерно в тучные годы. Фараон поверил ему и назначил его министром. Иосифу был поручен надзор над запасами сначала в тучные, а потом в голодные годы. Иосиф оказался на высоте. Но пришла весть, что его семья, оставшаяся в Ханаане, умирает от го-

лода. Тогда он попросил у фараона дозволения на переселение его семьи в Египет, где благодаря ему еды было в избытке. В Библии нет точного указания на то, в какие именно годы Иосиф находился в Египте, но он мог положить начало первому еврейскому поселению в Египте примерно в 1340-х гг. до н. э.

А это было во времена правления фараона-реформатора Эхнатона.

Как обычно по утрам, он пытается нащупать рядом с собой теплое и нежное женское тело, но рука натывается на пустоту.

Рене Толедано удивленно открывает глаз и убеждается, что лежит один на большой кровати, на скомканной простыни.

Опал не ночевала дома.

Он трет глаза, чтобы убедиться, что это не сон.

Боже, куда она подевалась?

Он вспоминает, что у Опал есть привычка ходить на девичники с подругами, но она всегда возвращалась не позже двух часов ночи, иногда слегка навеселе. В этот раз она вообще не вернулась.

Где она ночевала?

Рене встает и принимает ледяной душ, чтобы окончательно проснуться.

Он уже представляет себе худшее, несчастный случай.

Или, может, подруга, к которой пошла Опал, живет слишком далеко и она решила заночевать у нее?

Рене одевается и готовит себе завтрак с витаминами и с капсулами масла из печени трески, полезного для памяти.

Он вспоминает свой вчерашний вечер в компании Александра.

Тот сохранил способность восторгаться. Это резко отличает его от других начальников, упивающихся властью, истощающих друг друга борьбой и интригами, лишь бы залезть на вершину иерархии и застрять там, помышляя только о власти над кучей прожженных лизоблюдов.

По своей утренней привычке Рене включает радио, чтобы послушать новости. Ведущий сообщает:

«...Конференция по глобальному потеплению в Париже. Выдвинуты предложения о штрафовании предприятий, загрязняющих атмосферу, и о запрете вырубке лесов. Ожидаются новые предложения с целью остановить рост температур.

Одновременно в Париже Государственный совет разрешает временно вернуться к применению неоникотиноидов на свекловичных плантациях. Этот инсектицид, прозванный «убийцей пчел», находился под запретом, но производители сахарной свеклы добились его отмены, утверждая, что он грозит им разорением, так как не позволяет бороться с тлей, переносчицей свекловичной желтухи.

В Кашмире растет напряженность между правительствами Индии и Пакистана, борющимися друг с другом за водные ресурсы реки Инд. Сильная засуха поразила обе страны, из-за чего вода превратилась в мощное политическое оружие. Взаимные обвинения Нью-Дели и Исламабада становятся все резче. Напомним, что обе стороны обладают ядерным оружием.

Нигерийская группировка «Боко-харам» похитила 600 школьниц. «Школьное обучение противоречит нашей вере. Это грех, особенно для женщин, отвлекаемых образованием от их обязанностей жен и матерей. Мы вернем к вере тех, кто ее утратил, и обратим этих молодых женщин в рабынь. Так они поймут, что учеба бесполезна и только баламутит мысли», – объяснил главарь «Боко-Харам». Правительство начало переговоры с целью освобождения школьниц».

Азербайджан продолжает ракетные обстрелы армянских христианских церквей в Нагорном Карабахе. Президент России, выступающей посредницей в разрешении этого кризиса, говорит о своей озабоченности ситуацией, но не осуждает агрессию, так как Азербайджан имеет для России решающее геостратегическое и экономическое значение ввиду его энергоресурсов и проложенных по его территории газопроводов.

Национальный институт исследований в области сельского хозяйства, продовольствия и окружающей среды (INRAE) проведет в Городке науки и индустрии Ла-Виллет выставку, посвященную инвазивным видам животных и растений. Там будет представлена живущая в наших прудах флоридская черепаха и тропические растения-айланты, растущие на обочинах дорог. На следующей неделе пройдет цикл конференций, на которых выступят специалисты со всего мира».

Услышав поворот ключа в замке, Рене выключает радио. Входит Опал в пальто и с сумочкой.

– Привет, – неуверенно произносит Рене.

– Привет, – отвечает нейтральным тоном Опал.

Она кладет сумочку, снимает пальто, садится напротив него и наливает себе кофе.

– Выспалась? – интересуется Рене.

Она пьет кофе, потом кладет в тостер ломтики хлеба и достает из холодильника масло. У нее бегающий взгляд.

– Вчера, когда пришла твоя эсэмэс об ужине с патроном, мой патрон оказался у меня за спиной, прочел ее и говорит: «Раз твой друг вечером занят, я с радостью приглашаю вас в ресторан».

– Вот как?

– За десертом я предложила ему сеанс регрессивного гипноза.

Какое совпадение!

– Представь, он никогда ничего подобного не пробовал. Мы пошли к нему, и там...

Опал сомневается, надо ли продолжать. Тут тостер с шумом выбрасывает поджаренный хлеб, и она пользуется этим предложением, чтобы улизнуть за тостами и медом.

– Ему захотелось узнать, в какой жизни мы с ним познакомились, потому что, едва меня увидев, он подумал, что уже меня знает.

Она намазывает на тост масло и мед.

– Все получилось. Он увидел себя в пещере, рисующим на стене двумя пальцами, которое макает в плоску с чер-

но-красной жижей, похожей на кровь. Одет он был в звериные шкуры, у него были длинные волосы. В пещере позади него сидела женщина, она жарила на ветке-вертеле, лежавшем на двух сучках-подпорках, освежеванного кролика. Наверное, это была я. В пещере эхом разносилось шипение жира, капавшего в огонь. Мы не разговаривали и не смотрели друг на друга, потому что были сосредоточены на своих занятиях. Снаружи лил дождь, громыхал гром, небо разрезали молнии. Нам было уютно у горячего огня, в сухой пещере.

Опал жадно ест свой бутерброд, подливая себе кофе и глядя вдаль через иллюминатор баржи.

– Это была первая картина. Потом я предложила ему скачок во времени, дальше в прошлое, но в рамке этой же жизни – в какой-нибудь приятный момент его детства. Он увидел себя новорожденным, на руках у отца, в окружении женщин, криками поздравляющих роженицу. Разумеется, я не могла назвать ни эпоху, ни страну. Скорее всего, это было более пятнадцати тысяч лет назад, еще до зарождения земледелия, потому что мы жили в пещере.

– Примерно та эпоха, к которой относятся наскальные рисунки в пещерах Ласко? – предполагает Рене.

– На момент его рождения в его племени было полсотни человек. Я предложила ему представить момент нашей с ним встречи. Он был молод, лет тринадцати, я была его ровесницей. Наши родители принадлежали к разным племенам, они познакомили нас, чтобы наши племена заключили союз. По-

том был праздник – наша свадьба. Мы ели мясо. Потом мы удалились от остальных, чтобы искупаться голышом в озере и заняться любовью среди папоротников.

– В тринадцать лет?

– В те времена люди созревали быстрее, что логично, ведь и умирали они еще молодыми. Но самое сильное впечатление оставил сам акт. Сначала он был очень неуклюжим, я тоже. Потом, лаская друг друга, мы сообразили, что к чему. Это было великолепно... Быстро, но великолепно. Я про первый раз. Потом он продолжил, и получилось еще лучше.

Она пьет кофе, Рене не сводит с нее глаз.

– И?..

Опал по-прежнему не смотрит ему в глаза. Он тоже жует, чтобы подбодриться.

– Я испытала оргазм.

Рене давится.

– Ты теперешняя или та доисторическая женщина, вышедшая замуж в тринадцать лет?

– Собственно... мы обе.

Рене никак не откашляется.

– То есть мы трое, – поправляется Опал. – Даже четверо, потому что кончили и он древний, и он теперешний.

Вот не думал, что можно найти регрессивному гипнозу такое применение! А главное, мне не приходило в голову, что это может привести к оргазму. Знаю, все современные технологии – телефон, компьютер, интернет – часто исполь-

зуют для удовлетворения всевозможных страстей, но чтобы регрессивный гипноз стал сексуальным инструментом... Нет, это уже слишком.

– Главное, я усмотрела в этом знак. Мы встретились не просто так. Мы – две старые связанные друг с другом души. Мы еще до рождения договорились обрести друг друга. Уже много жизней мы вместе, Маркус и я.

– А кто такие мы с тобой?

– Переходный этап. Ты готовил меня к этой встрече. Он только что расстался с женой, и я должна была находиться в «зале ожидания», пока он закончит с той, прежней историей. Все прекрасно совпало.

Я – зал ожидания? Даже не знаю, как к этому относиться.

– Я расстроена, но ты имеешь право узнать правду: для меня это очевидно. Эта регрессия в доисторические времена открыла нам глаза. Тот момент был не просто банальным сеансом регрессивного гипноза, это была долгожданная встреча после затянувшейся разлуки.

– А наша с тобой история уже не в счет?

Опал смотрит в сторону.

– Твоя проблема в неумении любить! – выпаливает она. – Ты сдерживаешь эмоции из страха, что они тебя переполнят, а на самом деле они могли бы даровать тебе блаженство. Сохраняя самоконтроль, ты лишаешь себя великого опыта.

Так, подсудимый – я. Она не просто бросает меня, но и

еще собирается доказать, что я сам в этом виноват!

– Знаю, может показаться, что все это слишком внезапно, – продолжает Опал, – но я приняла решение. Нельзя терять ни секунды. Я уйду от тебя и переезжаю к Маркусу. Баржу я оставляю тебе. Он перевезет все мои вещи на своей машине.

– Когда?

– Прямо сейчас. Он ждет меня снаружи.

Рене подходит к иллюминатору баржи и видит «ренджровер». За рулем кто-то сидит.

– Это он, владелец большой тачки?

– Да, это практично, в нее много влезает. Не уверена, что мы справимся за один раз, может быть, придется еще вернуться.

Спокойствие! Не показывать своих чувств, это все только ухудшит.

– Ты не слишком торопишься? Может, нам лучше все это обсудить?

– Для меня все ясно, как день, тут не о чем говорить. Я всегда была за то, чтобы сразу бросить омара в кипяток, а не постепенно повышать температуру, причиняя ему лишние страдания.

Срочно найти логичные доводы, чтобы не дать разразиться катастрофе!

– Ты же не думаешь, что...

Но слова застревают у него в горле.

– Ты даже не представляешь, как сильно меня нервирует твоя манера не заканчивать начатые фразы! Не выношу этот твой новый пунктик. Суть в том, что нет никаких «но». Ты не в состоянии меня понять, потому что не знаешь этого чувства – любви. Я бы предпочла не говорить тебе этого, но это может тебе помочь разобраться в наших отношениях: представь, у меня никогда не было ощущения, что ты по-настоящему меня любишь! А он снова и снова признавался мне в любви вчера вечером, этой ночью, этим утром. А сколько раз признавался мне в любви ты?

– Вообще-то...

Сначала обвинение, потом приговор. Мне не предоставлено шанса оправдаться.

– НИ РАЗУ! «Я тебя люблю» – неужели так трудно это выговорить?

Не иначе, она забыла. Мне как раз кажется, что я это говорил. Хотя мне тоже не очень припоминается...

– Я тебя люблю... – лепечет Рене.

– Нет, теперь уже поздно. Надо было думать раньше.

Рене никак не соберется с мыслями. Она уходит в свою комнату, собирать вещи.

Ясно, я свалял дурака.

Он не сводит с нее глаз, дверь открыта. Опал кидает в большую дорожную сумку платяя, блузки.

Надо что-то ей сказать.

– Ты не можешь вот так взять и бросить меня.

– Могу. Откровение есть откровение. Мы с Марком – близкородственные души.

– А как же я?

– Мы можем остаться друзьями. Если я вдруг тебе понадоблюсь, можешь обращаться: считай это «послепродажным обслуживанием» наших отношений. Я всегда готова тебе помочь. Телесно мы будем врозь, но духовная связь не прервется.

Опал выносит из квартиры битком набитую сумку, чтобы загрузить ее в багажник машины, садится справа от водителя и захлопывает дверцу. Машина уносится, выстрелив из выхлопной трубы облачком сизого дыма.

Несколько секунд Рене видит себя под стенами Иерусалима, в шкуре рыцаря Сальвена де Бьенна, вопящего «Господи, спаси!» и рубящего из седла врагов. Хорошо бы и сейчас быть закованным в латы, загораживаться щитом, рассекать мечом недругов! Но за неимением всего этого ему остается только рыдать, что он и делает: крик вырывается из самых глубин его естества. Так он рыдал практически во всех своих жизнях. Этот первобытный вопль выпускает наружу все накопившееся в нем напряжение – и приводит в ужас соседей.

– ААААААААА!!!

У него подкашиваются ноги.

Он чувствует себя одиноким, брошенным, растоптанным. На ум приходит фраза отца: «Один идешь быстрее, вместе – дальше». Теперь, без Опал, он недалеко уйдет. Ускорит ли

он шаг?

Рене надо готовиться к своей лекции в Сорбонне. Чтобы вернуться к привычной жизни, он включает радио и слышит:

«Сегодня во всех школах Франции пройдет минута молчания в честь учителя истории Самюэля Пати, убитого 16 октября 2020 года».

– Историки – это герои. Чаще всего это герои-одиночки, потому что они вступаются за правду, а большинство не желает ее слышать.

Рене Толедано выступает с лекцией в Сорбонне после минуты молчания в память о Самюэле Пати.

– Мы провели минуту молчания, но в некоторых лицах ученики при этом хихикали или говорили: «Поделом ему, заслужил!» В своей последней работе я исследовал отношение историков к правде и ко лжи и сравнил их со следователями. Добавлю, что историки – еще и бойцы: обнаружив правду, они ее распространяют. Беда в том, что правда чаще всего мало кому нравится. Мой отец говорил: «Привыкшим жить во лжи правда всегда кажется подозрительной».

Рене пишет мелом на большой грифельной доске: «ИСТОРИЯ ИСТОРИКОВ».

– Если попытаться выяснить, кто первым сказал себе: «Расскажу-ка я, чем на самом деле занимались наши предки», то придется заняться временами 15-тысячелетней давности, когда появлялись настенные рисунки в пещерах Ласко и в других местах, первые изображения сцен охоты и племенных войн. «Вот чем занимались наши пращуры», – следует из этих рисунков. Такова одна из гипотез о смысле первобытного искусства.

Рене невольно вспоминает Маркуса, малюющего на стене пещеры в своей прежней жизни.

Это уже слишком – восхвалять похитителя моей женщины!

– Потом, шесть тысяч лет назад, одновременно в трех разных местах возникла письменность. Перечислю эти места в том порядке, в котором их открыли археологи: сначала Шумер на территории нынешнего Ирака, потом Египет, наконец, древние евреи на территории нынешнего Израиля.

Эти виды письменности, естественно, не похожи друг на друга. У шумеров это пиктограммы, у египтян – иероглифы, у евреев – идеограммы.

Самый древний из известных нам историков – Гильгамеш. За 2600 лет до нашей эры он рассказывает о подвигах царей Урука. Следующим можно назвать фараона Эхнатона, продиктовавшего в 1350-е годы до нашей эры тексты о жизни своего народа, а не только его правителей. Наконец, в 1300 году до нашей эры пророк Моисей продиктовал первые пять книг Библии, среди них – Бытие, где рассказано о сотворении мира, и Исход – о выходе еврейского народа из Египта.

Совершим огромный прыжок во времени: в 480 году до нашей эры родился Геродот. Этот древнегреческий историк и географ посвятил жизнь подробному и самостоятельному, не под диктовку правителя, перечислению событий своего времени, мест и дат. Это уже свободное повествование, не подчиненное никакому политическому проекту.

Рене пишет на доске «Геродот Галикарнасский» и даты его жизни и смерти.

– Далее, я хочу напомнить вам о другом греке, Ксенофонте, старавшемся усовершенствовать геродотовскую технику «объективного» изложения в повествовании о Пелопоннеской войне Афин и Спарты. Закончу «греческий» раздел Полибием, резюмировавшим в хронологическом порядке все события по годам.

Говоря, Рене Толедано расхаживает между рядами.

– Переходим к римлянам, которые обычно просто подражают грекам. Светоний в своей «Жизни двенадцати Цезарей» кладет начало жанру исторической биографии.

Он дает слушателям время записать услышанное, а потом продолжает:

– Теперь мы сделаем прыжок в две тысячи лет и две тысячи километров, во Францию 1833 года, к Жюлю Мишле, возрождающему интерес Франции к ее собственной истории своей монументальной «Историей Франции» из шести больших блоков, на которой основаны все школьные учебники, издаваемые с тех пор. Однако только в 1877 году, после разгрома, устроенного французам немцами под Седаном, наши власти поймут важность преподавания молодежи национальной истории. Они проведут реформу, в результате которой в университетах появятся позиции лекторов по истории. До того этот предмет, считавшийся второстепенным, был частью других дисциплин – религии и философии. Вот поче-

му сейчас Сорбонна и другие университеты Франции готовят преподавателей истории, те дают знания ученикам, и так далее.

Рене Толедано заключает:

– Преподавать историю – нелегкое ремесло. Что бы ни говорил историк, найдутся не согласные с его представлениями. Нужно готовиться к непониманию. И под конец – маленький совет, фраза Оскара Уайльда: «Хотите говорить людям правду – смешите их, иначе им захочется вас убить».

Уже полдень, лекция завершена, Рене стоит вместе с Александром в парадном дворе Сорбонны.

В этот раз студенты тоже раздают листовки, только не крайне правого, а крайне левого движения. Активист подходит к ним и протягивает листовку. Рене косится на нее и читает: «Нет сионизму», «Палестина победит», «Солидарность с угнетенными народами», «Освободить оккупированные территории!» Тут же изображен сжатый кулак, только не черный, а красный.

У Александра раздосадованный вид.

– Это друзья моей дочери. У правых и у левых активистов разный словарь, но по сути они очень похожи.

– Противоположности притягиваются, – подхватывает Рене.

– Даже перед самой Второй мировой войной, при подписании советско-германского пакта 23 августа 1939 года, некоторые левые деятели предпочли примкнуть к правым, сторонникам Германии. Например, Жак Дорио, один из лидеров французской компартии, без всякого смущения сколотил открыто коллаборационистскую, пронацистскую группировку. Сам Сталин не скрывал своего восхищения Гитлером.

Александр берет листовку, комкает ее и баскетбольным

броском отправляет в урну.

Студенты вокруг них курят, пьют кофе, работают на ноутбуках.

– Вижу, ты недоволен, Рене, – говорит Александр. – Тебе не дают покоя фашисты и коммунисты?

– Вовсе нет, я равнодушен к этой публике.

– Тогда в чем дело?

Рене качает головой. Александр дает ему сигарету, он не отказывается.

– Сегодня утром от меня ушла Опал, моя подруга. Ушла к своему новому патрону. До кучи позавчера явился судебный исполнитель с предупреждением о скорой продаже с торгов баржи, служащей мне домом.

– Да, не везет...

– Жизнь – череда проблем. Просто сейчас их скопилось слишком много.

Александр достает трубку, закуривает, дает прикурить Рене. Они молча курят.

– Я рассказал Мелиссе о нашем сеансе регрессивного гипноза вчера вечером, когда я узнал о своей жизни крестоносца в Иерусалиме в 1099 году.

– Она сохраняет скептицизм?

– Говорит, страсть к Средневековью доведет меня до веры в сказки с рыцарями, принцессами и драконами.

– Ваш вчерашний энтузиазм дал слабину?

Александр грустно кивает.

– Ты на меня не сердишься?

– Нет, – отвечает Рене. – Эта ситуация напоминает мне о платоновской аллегории пещеры: тех, кто видел наружный мир и рассказывает о нем, поднимают на смех или обвиняют во лжи. Они сами уже сомневаются, что видели свет. Часто бывает трудно положиться на собственный опыт, проще довериться мнению большинства сородичей. Такова человеческая натура.

Александр выдыхает дым.

– Знаешь, это все же перебор – твой коридор с дверями в прошлые жизни...

– Если бы я сам этого не пережил, то ни за что не поверил бы, – соглашается Рене.

– Как же тогда понять, правда это или сон?

– Полной уверенности все равно никогда не будет. Но при этом три четверти планеты верит в Бога, хотя Его они тоже никогда не видели... Опыт регрессивного гипноза имеет, по крайней мере, то преимущество, что оставляет память об очень четких ощущениях.

Александр хлопает Рене по плечу.

– Ответ засчитан! Дочь мотает мне нервы. Почувяв мой энтузиазм, она решила из принципа меня охладить. На это способна только она. Уже заставила меня бросить покер, видеоигры и приложения для знакомств. «Папа, ты уже не в том возрасте, чтобы ребячиться!» – твердит она.

Рене улыбается.

– Она хочет сохранить контроль над отцом, – говорит он. – Эдипов комплекс бывает и у девочек. Мальчики влюбляются в своих матерей, девочки в отцов.

– Дочь, влюбленная в отца, – это не миф об Эдипе, а миф о Мирре из «Метаморфоз» Овидия, – уточняет Александр.

Александр и Рене следят, как двор заполняется студентами, за болтовней не отлипающими от смартфонов.

– Так или иначе, у Мелиссы не получилось сделать из меня полного скептика. И знаешь, почему? Меня поразили три вещи: ощущения, изобилие наблюдаемых подробностей, которых я не знал бы, если бы сам не пережил, и запахи. Боже, ну и вонища там, в Средневековье! Там все дурно пахнет, люди не приучены мыться, особенно солдаты. Всюду запах навоза, пота и всякой дряни!

Оба хохочут.

– Я уж не говорю о запахе крови и разлагающихся трупов, – добавляет Александр, посерьезнев.

Лично мне понравился запах флердоранжа, исходивший от той, которая меня поцеловала.

Александр подмигивает Рене.

– Полная уверенность недостижима, но важно вот что: дали мне этот эксперимент что-то хорошее? Ответ – да, дал. Оказался ли он полезным? Да, оказался, потому что я лучше понял прошлое.

Какое-то время они наблюдают за студентами, которые, как можно понять, переругиваются из-за того, что по-разно-

му относятся к антиправительственным демонстрациям.

– Хочу обратно! – заявляет Александр. – Решение принято. Продолжим сегодня вечером. Ужинаем у меня, идет?

25. Мнемы. Падение Эхнатона

14 мая 1337 г. до н. э. произошло полное солнечное затмение. Жрецы Амона решили истолковать это событие как знак прекращения поклонения Солнцу и богу Атону. Возник заговор с участием военных, пленивших фараона Эхнатона. Жрецы, вернувшие себе власть, принудили Нефертити, вдову фараона, отречься от мужа и от культа света.

Жречество Амона обрело прежние привилегии и запретило солнечный культ, возродив поклонение богам-гигантам с головами животных. Вернулся политеизм. На трон был возведен младший сын фараона девятилетний Тутанхатон (это имя означает «живой образ Атона»), которого заставили публично отречься от отца. По этому случаю его переименовали в Тутанхамона.

Ему пришлось покинуть новую столицу Ахетатон, построенную его отцом, и вернуться в прежнюю столицу, Фивы. Жрецы навязали юному фараону Тутанхамону первого министра Хоремхеба, принявшегося систематически разрушать все построенное Эхнатоном. После смерти Тутанхамона в 1327 г. в возрасте 18 лет (вероятно, его тоже отравили) Хоремхеб взошел на трон и довел до конца свою миссию по стиранию

памяти о правлении Эхнатона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.